ПРОБУЖДЕНИЕ

ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ
РУССКИХ РАБОЧИХ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ И КАНАДЫ.

Адрес:
PROBUZHDENIE
c/o International Co-operative 9219 RUSSELL STREET DETROIT, MICH.

№ 94—95. МАЙ—ИЮНЬ 1939 Г.

М. Бакунин

(К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ).

История человечества богата именами великих борцов и революционеров. Через всю человеческую историю красной нитью проходят имена людей, посвятивших свою жизнь борьбе за лучшие идеалы человечества — свободу, равенство, братство и справедливость. Их героическая, революционная борьба составляет прекрасные страницы, как в истории их личной жизни, так и в истории порабощенного человечества. И к числу славных революционных борцов несомненно принадлежит Михаил Бакунин, чье имя великого бунтаря и апостола разрушения сильно гремело в Европе в середине 19-го столетия и наводило страх на всех поработителей и тиранов.

Жизнь и деятельность Бакунина, как революционера и анархиста, надо разделить на четыре главных периода, имеющих каждый свое особое историческое значение.

Первый период: 1835—40 г.г. Бакунин в Москве. Идеалист и левый гегельянец.

Второй период: 1842—49 г.г. Бакунин в Западной Европе. Убежденный и активный революционер.

Третий период: 1850—61 г.г. Бакунин — узник в Австрии, затем в Петропавловской и Шлиссельбургской тюрьмах и впоследствии в ссылке в Сибири, откуда он бежал за-границу, побывав во Франции, в Англии и Америке.

Четвертый и последний период: 1861-76 г.г. Бакунин анархист и интернационалист.

Михаил Бакунин родился 18-го мая 1814 года. Он сын богатого помещика Тверской губернии. Его отец, образованный и либеральный человек, принимал участие в восстании декабристов 1825 года и только благодаря находчивости сумел уцелеть во время разгрома тайных обществ декабристов. Бакунин любил и уважал отца, но к матери, простой, религиозной женщине, он относился не совсем дружелюбно. В родительском доме он получил хорошее воспитание и основательное знакомство с иностранными языками: английским, немецким и французским.

Суровый николаевский режим, крепостное право, восстание декабристов 1825 года и подавленное в крови польское восстание 1830 г., — все это не могло не ока-

зать огромного влияния на молодого Бакунина. Чуткий юноша, он реагировал на все окружающее, жадно ища верных путей в жизни.

В 1830 г. Бакунин поступил в артиллерийскую школу и через два года был выпущен офицером. Но военная карьера не улыбалась будущему революционеру и уже в 1834 году он вышел в отставку, живя то у отца в деревне, то в Москве.

Здесь, юношей двадцати лет, Бакунин примкнул к философскому кружку молодого ученого Станкевича, сыгравшего важную роль в истории умственного развития русского общества начала 19-го столетия. Бакунин начал заниматься философией, историей, логикой и другими науками. Он в особенности увлекался философской системой Гегеля, которую он ревностно изучал, оказывая большое влияние на Белинского, Герцена, Грановского и других членов философского кружка.

В 1840 году Бакунин уехал в Берлин с целью более основательного изучения немецкой философии. Возможно, что он думал впоследствии получить в России место профессора философии, но вероятнее всего, его побудило к этому стремление к более сознательной и продуктивной жизни. В Берлине наступил момент, когда совершилась умственная эволюция Бакунина, и консервативная философия Гегеля превратилась для него в революционную теорию.

В 1842 году Бакунин переехал из Берлина в Дрезден, где познакомился с немецким писателем Арнольдом Руге, редактором радикального журнала «Дейтше Ербух». В этом журнале Бакунин поместил под псевдонимом «Жюль Элизар» две статьи «О реакции в Германии», обратившие на себя большое внимание. Прекрасно написанные, эти статьи дышали жаром борьбы за свободу, а последняя статья заканчивалась известной бакунинской фразой, ставшей популярной среди анархистов: «Дух разрушающий есть в то же время дух созидающий».

Спустя несколько лет, Бакунин переехал в Швейцарию. В Берне он сошелся с немецкими коммунистами, сторонниками Вейтлинга и Маркса. Одно время Бакунин находился под влиянием коммунизма, но ознакомившись с экономическим учением Прудона, он начал соглашаться с ним и вскоре сделался его горячим защитником.

Из Швейцарии Бакунин переехал сначала в Бельгию, а затем во Францию, живя в Париже до декабря 1847 года. В конце этого года он впервые был заочно судим в России и приговорен к вечной ссылке в Сибирь с лишением всех прав состояния. Это наказание царской, официальной России Бакунин получил за свою знаменитую речь на польском собрании 29 ноября 1847 года в Париже, в которой он резко нападал на деспотическое правительство Николая I-го — этого «жандарма Европы».

В это время деятельность Бакунина сводилась к поискам революционно настроенных людей в разных странах Европы, чтобы начать новое революционное движение после неудачных революций 1848 г. Он видел единственное спасение в совместной общей работе всех революционеров и усиленно работал в этом направлении, надеясь осуществить свою цель. Бакунина ненавидели и в то же самое время боялись все правительсттва, так как он внушал им страх своими планами и смелыми выступлениями. Он не предавался утопиям; он работал и убеждал людей, что единственное верное средство против все возрастающей реакции это — об'единение всех революционных сил.

За свое активное участие в Дрезденском восстании 1849 г. Бакуни в январе 1850 г. был приговорен к смертной казни с заменой последней пожизненным тюремным заключением. Через некоторое время его перевели в Австрию и посадили в пражскую тюрьму «Святого Георга». После неудачной попытки к побегу, Бакунин был вторично приговорен к смертной казни с заменой вечным заключением. Вскоре, однако, Бакунина выдали России и ему эта выдача была приятнее, чем пре-

бывание в заграничных тюрьмах...,

Заключенный в Петропавловскую крепость и позднее переведенный в Шлиссельбургскую тюрьму, Бакунин, вследствие тяжелых тюремных условий, сильно страдал и одно время был близок к самоубийству. Но к счастью, его родные выхлопотали ему замену тюрьмы ссылкой в Сибирь, где он прожил до июня 1861 года. А в июле того же года, Бакунин совершил смелый побег, и, после многочисленных приключений, добрался через Японию в Нью Иорк, а затем — в Лондон.

В Лондоне, желая наверстать потерянное время в ссылке и в тюрьме, Бакунин начал интенсивно работать. Но его деятельность затруднялась тем, что старое поколение не шло за ним и для дальнейшей борьбы он должен был группировать и воспитывать молодежь, главным образом, учащуюся молодежь. Он работал до момента, пока не нашел себе настоящего места в Интернационале, где и начал свою революционную пропаганду.

Основанный Марксом и его сторонниками в 1864 году, Интернационал был организацией, базировавшейся на чисто экономических принципах. Но Маркс и другие социалисты верили, что путь к освобождению рабочих лежит через установление диктатуры пролетариата. Бакунин и его единомышленники не соглашались с политическими идеями Маркса и они все время пропагандировали свои анархические и революционные идеи. Бакунин верил, что, если пролетариат не будет увлечен революционным и сознательным меньшинством, которое всегда делало почин во всех революциях,и не последует за ним по пути к полному освобождению от ига государства и капитала, то более чем вероятно, что рабочий класс не победит в революции.

Между Бакуниным и Марксом начались споры и раздоры на идейной и личной почве. Вообще Бакунин и Маркс были два антипода в рабочем движении и в Интернационале. Вражда между ними — вражда не только двух различных натур, но двух различных мировоззрений — анархизма и социализма. Все это привело к тому, что Интернационал, просуществовав 8 лет, распался в 1872 году. Начиная с этого времени, Бакунин не принимал непосредственного участия в рабочем движении и все свое свободное время посвятил теоретической разработкее своих идей.

В начале 1873 года Бакунин переехал в Швейцарию и поселился в Берне. Здесь весною того же года, вокруг него образовалась небольшая русская группа студентов и студенток, начавшая вести революционную пропаганду для России. Была поставлена русская типография, напечатавшая несколько брошюр и много воззваний к русской молодежи. Бакунин много сделал для этой пропаганды. Ему, между прочим, принадлежит знаменитый славный лозунг: «Молодежь должна идти в народ». Этот лозунг русская учащаяся молодежь, шедшая «в народ», написала на своем знамени и принесла ему немало жертв. Согласно Бакунину, молодежь может пробудить и об'единить многочисленные силы, дремлющие в народе.

Начиная с 1875 года, Бакунин жил в стороне от всякой общественной деятельности. Долгие годы тюремной жизни и тяжелые переживания сказались в преждевременной старости организма Бакунина— этого «исполина с львиной головой». Его здоровье было надломлено, пламя жизни постепенно угасало. И 1-го июля 1876 года Бакунин умер в госпитале, в Берне, окруженный многочисленными друзьями и единомышленниками.

Литературное наследство, оставленное Бакуниным, не богато количественно, но качественно оно превосходит многочисленные произведения многих патентованных социологов. Хотя Бакунин писал сравнительно мало, но его произведения имеют большое агитационно - пропагандистское значение и представляют ценнейший вклад в анархическую литературу.

Вот главные его произведения: «Федерализм, социализм и антитеологизм», «Государственность и анархия», «Кнуто-гер-

манская империя и социальная революция», «История и политика Интернационала», «Парижская Коммуна и понятие о государстве», «Бог и государство».

Знакомясь с этими произведениями, мы видим, что Бакунин был сторонником материалистического понимания истории, но он считал, что всякое абсолютное толкование и практическое применение этой теории приводит к ошибкам. Материализм был для него полезным методом, но не абсолютной истиной.

Бакунин считал, что три главные причины двигают человечество вперед и определяют его развитие: во-первых — экономика, во-вторых — идеология, и в третьих — бунтарство. Он признавал первенствующее значение экономического фактора, но считал, что два другие фактора — идеология и бунтарский дух — пользуются известного рода самостоятельностью. Как анархист -коллективист, Бакунин был против государства, наследственного права и частной собственности. Как сторонник федерализма, он защищал идеи национальной независимости каждого народа и федеративного об'единения народов всего мира. И как атеист, он был против бога, церкви и всяких религиозных верований.

По учению Бакунина, человек, несмотря на свое животное происхождение, есть существо доброе. Но человек делается плохим и преступным благодаря, во-первых, власти одних над другими, во-вторых, богатству одних и бедности других и в третьих, религиозному обману. Все это надо уничтожить, т. е.надо уничтожить право, государство, частную собственность, богатство, бедность и религиозный обман, — лишь тогда человек станет свободным. А уничтожить все это можно только посредством социальной революции, являющейся единственным путем к освобождению человечества.

Со дня рождения Михаил Бакунина прошло 125 лет, а со дня его смерти 63 года, но интерес к нему и его учению не только не ослабел, но, наоборот, за последнее время значительно возрос. Именно в свете пережитых исторических событий героическая личность Бакунина становится в настоящий момент особенно привлекательной и важной. Достойно сожаления только то, что труды Бакунина очень мало известны широким народным массам, для которых он жил и боролся всю свою славную жизнь.

Жизнь Бакунина — жизнь великого человека, глубокого мыслителя и неустрашимого борца. Мы находим Бакунина на баррикадах, на рабочих конгрессах, на тайных совещаниях, в восстаниях, в тюрьмах и в Сибири. Он везде с народом против его врагов; с угнетенными против угнетателей. Бакунин соединил в себе редкие качества теоретика и практика революции. Он ясно и пророчески предвидел опасность революции, идущей по пути государственного установления и верил, что полное разрушение государства есть единственный путь социальной революции. Для него не могло быть примирения ни с какой формой политического гнета, как не могло быть и никаких планов мирного разрешения социального вопроса.

Бакунин считал, что движущей силой общественного развития служит борьба творческих и разрушительных стремлений народа. Исходя из этой основной предпосылки, он делал вывод о том, что факты предшествуют законодательству. Общество изменяется не путем новых законов, а путем коренных преобразований — общественных, политических и экономических. Поэтому рабочий народ должен преобразовать общественный строй путем прямого действия, путем революции. Всякое законодательное принуждение отталкивает массы, тогда как инициатива непосредственного действия увлекает их, и увлеченная масса, путем самостоятельности, способна разрушать и творить. Главные задачи, следовательно, заключаются в воспитании революционной воли народа, в разрушении старого капиталистического общества и в построении нового, свободного общества.

...ное общество возникнет в результате победы революционной гражданской войны и оно сложится снизу вверх, применительно к потребностям и нуждам победившего народа.

Так верил и учил Бакунин.

Бакунин — редкий тип человека, революционера и анархиста. Как выдающийся человек, как преданный революционер и как великий анархист, он бесконечно дорог для всех людей, для всех истинных борцов за новую свободную жизнь. Бакунин олицетворяет собой пробуждение революционного романтизма, бунтарство мятущейся души и, главное, анархизм, как массовое революционное движение.

Л. Липоткин.

НЕ НУЖНО СЛЕЗ МЕРТВЕЦАМ

Не плачьте над трупами павших борцов,
Погибших за идеи с оружьем в руках;
Не пойте над ними надгробных стихов,
Слезой не скверните их прах!

Не нужно гимнов, ни слез мертвецам,
Отдайте им лучше почет;
Шагайте без страха к тем же целям,
Несите их знамя вперед!

С врагом их, под знаменем тех же идей,
Ведите бой до конца.
Нет почести лучшей, нет тризны святой
Для тени достойной борца.

ПИСЬМО М. А. БАКУНИНА 1)

Мои дорогие друзья, я знаю, как ужасна опасность, которой подвергаю Вас тем, что пишу это письмо. И все-таки я пишу его. Отсюда Вы можете заключить как велика для меня необходимость об'ясниться с Вами и сказать хотя еще один раз, — без сомнения, последний в моей жизни,— свободно, без принуждения все то, что я чувствую и что думаю. В первый еще раз, но также это будет и в последний я Вас заставлю испытать этот риск. Это письмо — моя высшая и последняя попытка связаться с жизнью. Раз мое положение будет как следует выяснено, я буду знать, должен ли я еще ждать в надежде быть еще полезным согласно убеждениям, какие я имел, согласно убеждениям, какие я еще имею и какие всегда будут моими, — или я должен умереть.

Не обвините меня в нетерпении, ни в слабости, — это было бы несправедливо. Спросите лучше моего превосходного капитана,—теперь майор, — он Вам повторит то, что он часто мне говорил: что редко он видел узника такого благоразумного, такого мужественного, как я. Я всегда в хорошем настроении, я всегда смеюсь, а между тем двадцать раз в день я хотел бы умереть, настолько жизнь для меня стала тяжела. Я чувствую, что силы мои ослабевают, дух мой еще крепок. Но тело мое слабеет. И неподвижность, вынужденное бездействие, отсутствие воздуха и особенно, жестокое внутреннее мучение, которое только узник одинокий, как я, мог бы понять, и которое не дает мне покоя, — все это развило во мне зачатки хронической болезни, которую я, не будучи врачем, не могу определить, но которая каждый день заставляет меня чувствовать себя самым неприятным образом. Это я думаю геморрой, осложненный чем то другим, мне неизвестным. Головные боли совсем не покидают меня больше; кровь моя бурлит и бросается мне в грудь и в голову и душит меня до того, что я целыми часами задыхаюсь, и почти всегда в ушах у меня такой шум, какой производит кипящая вода. Два раза в день

---

1) Это письмо М. А. Бакунин написал по-французски в 1854 году в Петропавловской крепости и передал на свиданьи брату Павлу и сестре Татьяне. Ред.

у меня неизбежно жар: до полудня и вечером, а в продолжении всего остального дня меня мучит внутреннее недомогание, которое сжигает мое тело, туманит мне голову и, кажется, хочет меня медленно поглотить всего. Впрочем, Вы меня увидите. Ты меня найдешь очень изменившимся, Татьяна, даже с того последнего раза, когда мы с тобой виделись. Только один раз я имел случай посмотреть на себя в зеркало и нашел себя ужасно безобразным. Что касается до этого, то это мало беспокоит меня. Я давно уже отказался от того, что старики, как я называют тщеславием, от того, что молодые называют— в тысячу раз более справедливо — самою сущностью жизни. Для меня остался только один интерес, один предмет поклонения и веры — Вы его назвали и если я не могу жить для него—я не хочу жить совсем. Мне мало дела до моего безобразия, а также и до этой болезни, если б только она захотела унести меня поскорей. Я не желал бы ничего лучшего, как поскорее исчезнуть вместе с нею, но медленно ползти к могиле, по дороге глупея, — вот на что я не могу согласиться.

Мое нравственное состояние держится еще; моя голова ясна, несмотря на все боли, которые ее постоянно осаждают. Воля моя, я надеюсь, никогда не сломится; сердце мое кажется каменным — и это правда; но дайте мне возможность действовать, и оно выдержит. Никогда, мне кажется, у меня не было столько мыслей, никогда я не чувствовал такой пламенной жажды движения и деятельности. Не совсем же я мертв еще, но эта самая жизнь духа, которая сосредоточившись в себе сделалась более глубокой, более могущественной, может быть более желающей проявить себя, — становится для меня неисчерпаемым источником страданий, которые я не пытаюсь даже описать.

Вы никогда не поймете, что значит чувствовать себя погребенным заживо; говорить себе ежеминутно, как ночью, так и днем; я раб, я уничтожен, сделан беспомощным в жизни, слышать в своей комере отголоски той великой борьбы, в которой решаются самые важные мировые вопросы — и быть вынужденным оставаться неподвижным и немым. Быть богатым мыслями, по крайней мере часть которых могла бы быть полезной — не быть в состоянии осуществить ни одной. Чувствовать любовь в сердце — да любовь, несмотря на эту внешнюю окаменелость и не быть в состоянии излить ее на что нибудь или на кого нибудь. Наконец, чувствовать себя таким полным самоотвержения и даже героизма, для того, чтобы служить идее, тысячу раз святой, и видеть как все эти стремления разбиваются о четыре голые стены, единственные мои свидетели, единственные мои поверенные! Вот моя жизнь! И все это еще ничего в сравнении с другой, еще более ужасной мыслью. Это — идиотизм, который неизбежно является результатом подобного существования. Заприте самого великого гения в такую изолированную тюрьму, как моя, и через несколько лет Вы увидите, что сам Наполеон сделается тупоумным, а сам Иисус Христос сделается злым. Мне же, который не так велик, как Наполеон, не так бесконечно добр, как Христос, понадобится гораздо менее времени, чтобы совершенно отупеть. Не правда ли, приятная перспектива? Я в обладании еще и думаю, что не лишу себя — я в обладании еще всеми своими умственными и нравственными способностями; но я знаю, что это не может продолжаться долго. Мои физические силы уж очень сломлены; очередь моих нравственных сил не замедлит пройти. Вы поймете надеюсь, что хотя не много уважающий себя человек должен предпочесть самую ужасную смерть этой медленной и позорной агонии. Ах, мои дорогие друзья, поверьте, всякая смерть лучше этого уединения, столь восхваляемого американскими филантропами. Зачем я так долго ждал? Эх, кто это скажет! Вы не знаете, насколько надежда стойка в сердце человека. Какая. — спросите вы меня. — Надежда снова начать то, что привело меня сюда, только с большей выдер-

ТАК ГОВОРИЛ БАКУНИН

БИОГРАФИЯ М. А. БАКУНИНА.

Михаил Александрович Бакунин родился 8/20 мая 1814 года. 18-ти лет он кончил артиллерийское училище в Петербурге, два года служил офицером, затем подал в отставку и переехал в Москву.

26-ти лет он выехал в Германию, а 28-ми написал свою наделавшую шуму статью, озаглавленную «Реакция в Германии. отрывок, написанный французом». В этой статье он приходил к революционным выводам.

В 1843 году Бакунин приехал в Швейцарию, но через год преследуемый швейцарской полицией и русским посольством, переезжает в Брюссель, а оттуда в Париж. Здесь он знакомится с многими общественными деятелями., в том числе с Прудоном, Ж. Занд и Марксом. В 1847 году Бакунин встречается заграницей с Герценом и Огаревым.

В ноябре 1847-го года Бакунин был выслан из Франции за речь, произнесенную на банкете в память польского восстания 1830-го года.

Революция 1848 года позволила ему вернуться в Париж, но очень скоро он уехал в Германию, а затем в Австрию, где было революционное брожение. Он прибыл в Прагу, где и принимал участие в восстании.

Затем он переехал в Бреслав и в это время в «Ново-Рейнской Ведомости» К. Маркса поместил чье то письмо, в котором говорилось, что по имеющимся у Ж. Занд сведениям, Бакунин является орудием или агентом России, что, благодаря ему были арестованы многие поляки. Ж Занд немедленно указаа на безусловную лживость сообщенных в этом письме сведений. Маркс напечатал, по просьбе Ж. Занд немедленно указала на безусловную Бакунин встретился с Марксом и общие друзья заставили их обняться.

Бакуину было запрещено жить в Пруссии и в Саксонии и он проживал некоторое время в герцогстве Антгальском, а затем, в 1849 году, тайно жил в Лейпциге. В апреле месяце Бакунин прибыл в Дрезден.

В этом городе вспыхнуло народное восстание и Бакунин, встав во главе восставших, принял энергичные меры для защиты баррикад против прусских войск. Восстание было подавлено. Бакунин, после неудачной попытки поднять новое восстание, направился в Хемниц, но был арестован и выдан пруссакам.

После нескольких месяцев предварительного заключения, 14-го января 1850 года Бакунин был приговорен к смертной казни. Эта казнь была заменена вечным заключением, но Австрия потребовала выдачи Бакунина, и он был выдан австрийскому правительству. 15-го мая 1851 года он был снова приговорен к смертной казни, на этот раз австрийским судом, и снова смертная казнь была заменена вечным заключением. В австрийских тюрьмах Бакунина держали закованным по рукам и ногам, а в Ольмюцкой тюрьме он был прикован к стене за пояс.

Австрийское правительство, в свою очередь, выдало Бакувина правительству русскому и его посадили сначала в Петропавловскую, а потом в Шлиссельбургскую крепость. В последней тюрьме Бакунин заболел скорбутом и потерял все свои зубы.

жкой и с большей предусмотрительностью, может быть. Ибо тюрьма, по крайней мере, тем хороша для меня, что она дала мне досуг и привычку размышлять. Она, можно сказать, укрепила мой разум, но она нисколько не изменила моих прежних убеждений. Она сделала их, наоборот, более пламенными, более решительными, более безусловными, чем прежде, и отныне все, что остается мне в жизни, заключается в одном слове — свобода!».

М. Бакунин.

Только в марте 1857 года царь согласился заменить Бакунину тюрьму ссылкою в Сибирь.

Из Сибири Бакунин бежал через Японию и Америку, в Европу, и в декабре 1861 года прибыл в Лондон, где его радостно встретили Герцен и Огарев.

В 1863 году Бакунин сделал неудачную попытку принять участие в польском восстании. Бакунин приезжает через несколько времени в Италию и составляет здесь тайное сообщество, которое называет «Международным Братством» или Союзом революционеров — социалистов».

Он пытается далее привести к революционному социализму демократическое общество, называвшееся «Лигой мира и свободы» и, потерпев неудачу, выходит вместе со своими единомышленниками, из «Лиги». В день выхода Бакунина товарищи его основывают новое общество, под названием «Международный Союз социалистической демократии».

Программа этого общества была написана Бакуниным и вот что, — между прочим, — мы читаем в ней: — «Союз об'являет себя атеистическим, он хочет полного и окончательного уничтожения классов, политического, экономического и социального уравнения лиц обоего пола, он хочет, чтобы земля, орудия труда, как и всякий другой капитал, сделавшись коллективной собственностью всего общества, перешли в пользование рабочих, т. е. земледельческих и промышленных ассоциаций. Союз признает, что ныне существующие власти и политическия государства... должны исчезнуть во всеобщем союзе, как земледельческих, так и промышленных вольных ассоциаций».

«Союз» пожелал образовать из себя ветвь «Международной Ассоциации Рабочих», но главный совет этой Ассоциации не захотел принять его в ряды Интернационала. Полагая, что рядом с Интернационалом не допустимо существование другого такого же общества, сами же члены союза распустили его и женевская группа союза вошла в Интернационал, как простая секция последнего.

Летом 1869 года друг Маркса, Бакхейм повторил старую клевету о том, что Бакунин был агентом русского правительства, а Либкнехт в свою очередь повторил ее. Бакунин позвал последнего на третейский суд и суд единогласно заявил, что Либкнехт действовал с преступным легкомыслием.

Немного спустя, Маркс снова клеветал на Бакунина, заявляя, что Бакунин является агентом панславитской партии.

Весною 1869 года Бакунин познакомился с Нечаевым и мечтал о восстании в России. Но он скоро разошелся с Нечаевым и за это время мы имеем только несколько написанных для России работ Бакунина.

В 1870 году Бакунин принимает участие в неудавшемся Лионском восстании и бежит из Франции.

Жизнь Бакунина тесно связана с историей «Международной Ассоциации Рабочих», в рядах которой находились как социалисты-государственники, так и анархисты, наиболее выдающимся из которых и был Бакунин.

Главный совет этой «Ассоциации», вдохновляемый Марксом и Энгельсом, созвал в 1872 году так называемый Гаагский международный конгресс, большинство членов которого, являясь сторонниками Маркса, представляли, по словам Гильома, только самих себя, а не организацию Интернационала.

Этот «Конгресс», в последний день своего заседания, — после того, как треть его членов раз'ехалась, — исключил Бакунина из Интернационала, выставив против него бессмысленные и клеветнические обвинения.

Русские эмигранты, в том числе Огарев и Зайцев, т. е. лица, честность и осведомленность которых вне сомнения, резко протестовали против этой клеветы, повторять которую мы не считаем здесь нужным.

Через неделю после Гаагского конгресса,

собрался другой международный конгресс в Сент Имьэ. На конгресс явились делегаты итальянской, испанской федерации и федерации Юры, а также представители французских и американских секций. Этот конгресс единогласно отвергнул все резолюции Гаагского конгресса и отказался признать избранный последним конгрессом новый главный совет Интернационала. К этим решениям конгресса присоединились некоторые другие федерации.

1-го сентября 1873 года в Женеве собрался шестой конгресс Интернационала. На нем были представлены федерации Бельгии, Голландии, Италии, Испании, Франции, Англии и Швейцарской Юры.

Конгресс пересмотрел уставы Интернационала и высказался за уничтожение главного совета, руководимого Марксом. Третий параграф нового, выработанного конгрессом, устава гласит следующее: «Федерации и секции, составляющие Ассоциацию сохраняют свою полную автономию, т. е. право организоваться по своей воле, вести дела без какого бы то ни было внешнего вмешательства и самим определять путь, которым они хотят идти для того, чтобы добиться освобождения труда».

М. А. Бакунин, усталый от постоянной борьбы с общественной неправдой, от борьбы с недобросовестными, нечестными вратами, Бакунин, здоровье которого пошатнулось в тюрьмах, Бакунин всю свою жизнь боровшийся и страдавший за свои великие идеалы, почувствовал, что силы покидают его и решил удалиться от борьбы, продолжая, конечно, следить за нею. Но не вытерпел без бездействия старый революционер. Он отправился в Болонью, чтобы принять участие в восстании, подготовленном его друзьями. Это восстание не удалось.

Вскоре после этого 1-го июля 1876 года М. А. Бакунин умер.

Вечная память великому борцу за освобождение трудящихся!! Вечная память честнейшему из честных, благороднейшему из благородных революционеров! Вечный позор тем завистникам, которые клеветали на него, которые обвиняли его в дезорганизаторской деятельности, обвинении, столь же ложном, как и все другие.

М. А. Бакунин оставил после себя целый ряд замечательных работ в области обществоведения, политики и философии. Его работы до сих пор не оценены по достоинству, несмотря на то, что он опередил своих, даже выдающихся современников, несмотря на то, что его замечательному уму, его проникновенным взглядам приходится удивляться в наше время, несмотря на то, что многому приходится учиться у Бакунина и современным поколениям.

В дальнейшем изложении мы словами самого Бакунина расскажем, как смотрел он на важнейшие общественные вопросы.

**
*

М. А. БАКУНИН О ГОСУДАРСТВЕ

М. А. Бакунин указывал, что государство порождено насилием и религией, что с развитием человечества оно исчезнет. «Государство есть временное историческое учреждение, переходная форма общежития».

Государство — «насилие, глупое хвастовство насилием».

Государство — это «опека официально и систематически организованного меньшинства» над народом.

«Политическое государство не имеет другой задачи, кроме покровительства эксплуатации народного труда экономически привилегированными классами... Власть государства может быть совместима только с исключительной свободой этих классов, интересы которых оно представляет и на этом основании она должна противополагаться свободе народа. Кто говорит государство или власть, говорит — владычество, но всякое владычество предполагает существование массы подвластных».

«Все государства дурны в том смысле, что они по природе своей, т. е. по условиям цели своего существования, составляют диаметральную противоположность человеческой справедливости, свободе и пра-

вственности».

«Государство — это насилие, притеснение, эксплуатация, несправедливость, возведенные в систему и сделавшиеся краеугольным камнем существования всякого общества. Государство никогда не имело и не может иметь нравственности. Его нравственность и его единственная справедливость есть высший интерес его самосохранения и всемогущества, — интерес, перед которым должно преклоняться все человечество. Государство есть полное отрицание человечества, отрицание двойное: — и как противоположность человеческой свободы и справедливости и как насильственное нарушение всеобщей солидарности человеческого рода».

Если государство во что нибудь вмешивается, то делает это неприязненно, так как сущность его состоит не в увещевании, а в приказании и принуждении. Ему никак не удается скрыть, что оно законный нарушитель нашей воли, постоянный отрицатель нашей свободы. Если оно приказывает делать что нибудь хорошее, то оно и это хорошее своим приказанием делает бессмысленным, так как этим поругана свобода».

О социал-демократическом государстве М. А.Бакунин писал следующие, глубоко интересные и для нашего времени замечания.

«В манифесте международного общества», написанном Марксом в 1864 году, говорится, что пролетариат должен сосредоточить все орудия производства в руках государства, т. е. пролетариата, возведенного на степень господствующего сословия»... «Спрашивается, писал М. А. Бакунин, — если пролетариат будет господствующим сословием, то над кем он будет господствовать? Значит останется еще другой пролетариат, который будет подчинен новому государству, напр., хотя бы крестьянская чернь, не пользующаяся благорасположением марксистов и которая находясь на низшей степени культуры, будет, вероятно, управляться городским и фабричным пролетариатом»... «Неужели весь пролетариат будет стоять во главе управления?.. Немцев считают около 40 миллионов. Неужели все 40 миллионов будут членами правительства? Весь народ будет управляющим, а управляемых не будет. Тогда не будет правительства, не будет государства, а если будет государство, то будут управляемые, будут рабы.

Эта диллема в теории марксистов решается просто. Под управлением народным они разумеют управление народа посредством небольшого числа представителей, избранных народом. Всеобщее и поголовное право избирательства целым народом, так называемых народных представителей и правителей государства — вот последнее слово марксистов, так же как и демократической школы — ложь, за которою кроется деспотизм управляющего меньшинства, тем более опасная, что она является как выражение мнимой народной воли.

И так, с какой точки зрени ни смотри на этот вопрос, все приходишь к тому же самому печальному результату, — к управлению огромного большинства народных масс привилегированным меньшинством. Но это меньшинство, говорят марксисты, будет состоять из работников. Да, пожалуй, из бывших работников, но которые, лишь только сделаются правителями или представителями народа, перестанут быть работниками и станут смотреть на весь чернорабочий мир с высоты государственной, будут представлять уж не народ, а себя и свои притязания на управление народом. Кто может усумниться в этом, тот совсем незнаком с природою человека.

Нам часто приходится слышать о диктатуре пролетариата. Мы хорошо понимаем, что речь идет здесь о диктатуре тех людей, которые желают властвовать над народными массами и М. А. Бакунин дал характеристику «революционной диктатуры».

«Между революционной диктатурой и государственностью вся разница состоит только во внешней обстановке. В сущности же они представляют обе одно и то же уп-

равление большинства меньшинством во имя мнимой глупости первого и мнимого ума последнего». — «Никакая диктатура не может иметь другой цели, кроме увековечения себя. Она способна породить и воспитать в народе, сносящем ее, только рабство. Свобода может быть создана только свободой, т. е. всенародным бунтом и вольной организацией рабочих масс снизу вверх».

Что касается до парламентского, конституционного государства, то М. А. Бакунин с полной ясностью вскрывает перед нами его сущность.

«Вся ложь представительной системы покоится на той фикции, что власть и законодательная палата, вышедшие из народного избрания, неизбежно должны или даже могут представлять истинную волю народа».

«Эта новейшая государственная форма, — (представительная демократия), — писал М. А. Бакунин, — основанная на мнимом господстве мнимой народной воли, будто бы выражаемой мнимыми представителями народа в мнимых народных собраниях, соединяет в себе два главные условия, необходимые для их преуспеяния, а именно: государственную централизацию и действительное подчинение государя — народа интеллектуальному, управляющему им, будто бы представляющему его и не превано эксплоатирующему его меньшинству».

...«Никакое государство, как бы демократичны ни были его формы, хотя бы самая политическая республика, народная только в смысле лжи, известной под именем народного представительства, не в силах дать народу того, что ему надо, т. е. вольной организации своих собственных интересов снизу вверх, без всякого вмешательства, опеки насилия сверху, потому что всякое государство, даже самое республиканское и самое демократическое, даже мнимо-народное государство, задуманное г. Марксом, в сущности своей не представляет ничего иного, как управление массами сверху вниз, посредством интеллигентного и потому сомого привилегированного меньшинства, будто бы лучше разумеющего настоящие интересы народа, чем сам народ».

М. А. Бакунин оказался пророком, сказав следующие, вполне применимые, хотя бы к французской республике, слова: — «Мы презираем монархию всей душой, но вместе с тем, мы убеждены, что большая республика с войском, бюрократией и политической централизацией, сделает внешнее завоевание и внутреннюю эксплоатацию своим делом и нисколько не будет в состотянии дать своим подчиненным, которых она называет гражданами, счастье и свободу». «Народ при этой системе, несмотря на принадлежащую ему верховную власть, совершенно фиктивную, будет продолжать служить орудием чужой мысли, чужой воли, и, следовательно, чужих интересов».

Бакунин поясняет далее, чем становится в наших государствах всеобщее избирательное право, указывает на деспотизм парламентских правительств и заявляет, что народ ничего не выиграет от введения в России конституции.

«Всеобщее избирательное право, применяемое в таком обществе, где народ, — масса работников, — будет управляться меньшинством, владеющим собственностью и капиталом, как бы ни был он свободен и, скорее, как бы ни казался он таковым, может дать только иллюзорные выборы, антидемократические и абсолютно противоположные потребностям, инстинктам, истинной воле населения».

«И, действительно, надо быть влюбленным в иллюзию, чтобы воображать, что рабочий, при тех экономических условиях, в которых он теперь находится, сможет полностью и действительным образом воспользоваться своей политической свободой. Ему не достает для этого двух маленьких вещей: досуга и материальных средств».

М. А. Бакунин, с обычной ясностью мысли, предвидел, кем станут попавшие в парламент рабочие. «Но—писал он,— ска-

жут нам, рабочие, наученные опытом, не пошлют больше буржуа в учредительные и законодательные собрания; они пошлют туда простых рабочих, как бы они ни были бедны, они могут дать необходимое содержание своим депутатам. Знаете ли что из этого выйдет? То, что рабочие депутаты, попавшие в условия буржуазного существования и в атмосферу чисто буржуазных политических идей, фактически перестав быть рабочими, становясь людьми государственными, сделаются буржуями, и, быть может, станут буржуазнее самих буржуа. Не люди создают положение, а положение людей».

«Никогда правительственный деспотизм не бывает так страшен и так силен, как тогда, когда он опирается на мнимое представительство мнимой народной воли».

Что касается до России, то М. А. Бакунин писал о ее возможной конституции следующия, хотя и резкия, но глубоко справедливые слова: — «Нужно быть ослом, невеждой, сумасшедшим, чтобы вообразить себе, чтобы какая-нибудь конституция, даже самая либеральная и самая демократическая, могла бы изменить к лучшему отношение государства к народу. Ухудшить, сделать его еще более обременительным, разорительным, пожалуй, можно, хотя и трудно, потому что зло доведено до конца... но—освободить народ, улучшить его состояние! Это — просто нелепость».

Сопоставляя русский деспотизм с парламентаризмом запада, М.А. Бакунин пишет:

«Царская империя делает цинически то, что другие совершают под покровом лицемерия и она составляет по своему открытому, деспотическому и презрительному отношению к человечеству тайный идеал, к которому стремятся и которым восторгаются все государственные люди Европы».

**
*

М. А. БАКУНИН О ВЛАСТИ И ЗАКОНЕ

«Надо вполне уничтожить в принципе и на деле все то, что называется политической властью, потому что пока политическая власть будет существовать, будут управители и управляемые, господа и рабы, эксплуататоры и эксплуатируемые. Политическая власть, раз уничтоженная, должна быть заменена организацией производительных сил и экономических служб».

«Пока человечество будет разделено на меньшинство эксплуататоров и большинство эксплуатируемых, — свобода не мыслима и становится ложью».

«Одним словом, мы отвергаем всякое законодательство, всякую власть, всякое привилегированное, патентованное, официальное и законное влияние, хотя бы оно и вытекало из всеобщего голосования: ибо мы убеждены, что оно всегда будет выгодно господствующему меньшинству эксплоататоров и вредно огромному большинству угнетенных».

«Не нужно никакого внешнего законодательства и никакой власти, потому что одно неразрывно связано с другим и оба клонятся к порабощению общества и унижению самих законодателей».

«Всякая политическая власть, каковы бы ни были ее происхождение и ее формы, неизбежно тяготеет к деспотизму».

«Всякое законодательство создает одновременно и порабощение общества, и развращение самих законодателей». Привилегированный в политическом и экономическом отношении человек развращен в своем уме и сердце». «Принцип власти в применении к людям, достигшим совершеннолетия, становится чем то чудовищным, противным человечности, источником рабства и нравственной и умственной развращенности».

**
*

М. А. БАКУНИН О РАБОЧИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

М. А. Бакунин был убежденным сторонником рабочих союзов, борящихся против буржуазной эксплоатации.

Появление революционных синдикатов, «промышленных рабочих мира», приближение к революционным синдикатам английских тред-юнионов, доказывает, что М. А.

Бакунин был прав, заявляя, что об'единившиеся рабочие подходят к признанию принципов Интернационала.

«Когда рабочий начнет, совместно со своими товарищами, борьбу портив буржуазной эксплоатации, он в силу естественного хода вещей и развития борьбы, дойдет скоро до признания всех политических, философских и социалистических принципов Интернационала, которые в сущности являются только истинным выражением его исходной точки и его цели... С точки зрения политической и социальной они имеют необходимым следствием уничтожение классов, а,следовательно, класса буржуазии, являющейся в настоящее время господствующим классом, уничтожение всех территориальных государств всех политических отечеств и создание на их развалинах великой международной федерации производительных групп, национальных и местных».

«По рождению и личному положению, но конечно, не по моим симпатиям и тенденциям, я буржуа и, как таковой, я умею только пропагандировать между вами. Но я убежден, что время больших теоретических, словесных или печатных дискуссий прошло. За 9 последних лет в недрах Интернационала развито более идей, чем надо для того, чтобы спасти мир, если бы только его могли спасти одни идеи и я вызываю кого бы то ни было изобрести новую идею. Теперь время не идей, а фактов и действий. Что важнее всего, так это организация силы пролетариата. Но эта организация должна быть делом самого пролетариата. Если бы я был молод, я бы вошел в рабочую среду и, разделяя трудовую жизнь моих братьев, тоже принял бы участие в великой работе, необходимой организации».

* * *

М. А. БАКУНИН О РЕВОЛЮЦИИ

«Революция, по нашему разумению, должна с первых же дней коренным образом разрушить государство и все государственные учреждения. Естественными и необходимыми последствиями этого разрушения будут: а) государственное банкротство, б) прекращение государственного взыскания частных долгов, уплата которых будет предоставлена воле должника,, в) прекращение уплаты податей и налогов, прямых и косвенных, г) распущение войска, суда, чиновничества, полиции, духовенства, д) отмена коронного правосудия и так называемого юридического права. В виду этого — обезценение и сожжение всех завещаний, купчих крепостей, продажных и дарственных записей, тяжебных дел; одним словом, всего ненужного юридического бумажного хлама. Повсюду и во всем, на место права, созданного и охраняемого государством, — станет революционное деяние: конфискация (отобрание) всех производительных капиталов и орудий труда в пользу рабочих организаций, где и воцарится коллективное производство; ж) отобрание всей государственной и церковной собственности, а также и благородных металлов у частных лиц в пользу союза рабочих артелей, образующего общину. За отобранное имущество все потерпевшие получат от общины все безусловно необходимое, им предоставляется право личным трудом увеличить свое имущество».

«...Чтобы произвести коренную революцию, надо подкосить самый порядок вещей, разрушить собственность и государство, тогда не придется уничтожать людей и подвергать себя неминуемой реакции, которую повсюду и всегда вызывала резня людей».

«Когда в обществе существует достаточная причина для революции, никакая человеческая сила не может помешать этой революции произойти. Если правительство или привилегированные классы пытаются воспрепятствовать ей, — эти усилия подавить революционную силу, эти реакции, хотя бы на время казались успешными, только усиливают, в сущности, силу, которую хотят подавить, они только помогают революционной идее формулироваться, только верней указывают революции путь, которым она должна следовать, только начерчивают ей дорогу, которую предоставленный самому себе революционный ин-

стинкт, быть может, долго искал бы безуспешно».

«Революции не импровизируются, они не делаются по воле отдельных личностей, ни даже самых могущественных ассоциаций. Они независимо от всякой воли и от всякого заговора всегда происходят в силу хода самих вещей. Их можно предвидеть, иногда предчувствовать их приближение, но никогда нельзя ускорить их взрыва».

«Это безошибочный призрак, по которому рабочие могут узнать фальшивого социалиста, социалиста буржуазного: если, говоря о революции ли, социальном перевороте, он говорит им, что политический переворот должен предшествовать перевороту экономическому, если он отрицает, что обе эти революции должны совершаться одновременно или что политическая революция не должна быть ничем иным, как только немедленным и прямым осуществлением полной и всецелой социальной ликвидации, рабочие повернут ему спину, потому что он или просто глуп или лицемерный эксплуататор».

⁂

БАКУНИН О РЕЛИГИИ

«Все религии с их богами, полубогами, пророками, мессиями и их святыми, суть создания легковерного воображения людей, не достигших полного обладания своими духовными силами».

«Являясь рабами Бога, люди должны быть и рабами церкви и государства, поддерживаемого церковью».

«Правительства не без основания считают веру в Бога существенным условием своей власти». «Есть целая категория людей, которые не верят, но должны делать вид, что верят. К ним относятся все притеснители, гонители и грабители человечества: священники, монахи, государственные деятели, военные, общественные и частные финансисты, чиновники всякого рода, полицейские, жандармы, тюремщики и палачи, капиталисты, предприниматели и собственники, адвокаты, экономисты, политики всех цветов, все до последнего лавочника, повторяют дружным хором слова Вольтера: «Если бы Бога не было, его следовало бы выдумать». Вы понимаете: — «народу, ведь нужна религия». «Это предохранительный клапан».

⁂

НЕСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ М. А. БАКУНИНА

«Так как всегда и везде строй общества был единственной причиной преступлений, совершаемых людьми, то наказание преступников есть только лицемерие или очевидная бессмыслица со стороны общества, так как всякое наказание предполагает виновность, преступники никогда не бывают виновны».

«...Свобода, нравственность, просвещенность и благо каждого при солидарности всех — это есть человеческое братство».

О немецких социалистах Бакунин писал следующия и ныне к ним относящиеся слова, «....сами социалистические писатели, которые гремят против буржуазии с головы до ног являются буржуазными пропагандистами, апостолами буржуазной политики и вследствие необходимости, всего чаще не зная и не желая, являются защитниками интересов буржуазии против пролетариата».

«Крестьяне — не лентяи, они такие же самые рабочие, как наемные рабочие городов, только они работают в других условиях. Вот и все. Раз существует эксплуатация буржуа, рабочий должен себя чувствовать братом крестьянина».

«Долой всех эксплуататоров и всех опекунов человечества! Свобода и благосостояние труду, равенство всех и братство человеческого мира, свободно составившегося на развалинах всех государств!»

Так говорил Бакунин.

Так говорил великий русский революционер.

А. Карелин.

ИНИЦИАТИВА, КОТОРУЮ СЛЕДУЕТ ПОДДЕРЖАТЬ

19-го марта 1939 года исполнилась годовщина смерти Е. З. Моравского, первого редактора журнала «Пробуждение», многолетнего редактора газеты «Рассвет».

Друзья покойного в Детройте и в других городах планируют отметить эту годовщину постановкой памятника — мраморной плиты на могиле Е. З. и выпуском в свет статей, рассказов и стихов покойного отдельной книгой.

Уже собрана некоторая сумма для покрытия расходов по приобретению памятника и изданию произведений Евгения Захаровича. Инициативная группа обращается ко всем читателям «Пробуждения», друзьям и знакомым покойного поддержать детройтскую инициативу присылкой пожертвований на это благое дело.

Средства просят направлять по адресу:

A. Shawruk, 9219 Russell Street,
Detroit, Michigan.

ЧЕТЫРЕ ГОДА ПРЕСЛЕДОВАНИЙ ЖУРНАЛА "МЭН"

(Продолжение)

Свобода мысли и свобода печати — только в этом спор.

«Мэн», его редактор и все лица, несущие ответственность за существование журнала — выдержки, приведенные против Ферро и Саллито властями не только не считают криминальными, но гордятся тем, что им вменяются в вину вышеприведенные бескомпромиссные мысли и позиция,занятая журналом. Если в 1938 году занятие такой позиции считается «криминальным» поступком, то это только подчеркивает тот факт, что мы до сих пор живем в криминальном обществе, которое вполне заслуживает быть уличенным, осужденным и осмеянным. Преследования «Мэн» — только из'явление чести по случаю выполнения журналом поставленных перед ним задач и ответственности, как органа идеала — Анархии, где истинная справедливость и свобода, будут в общем порядке вещей.

«Мэн» вел храбрую бескомпромиссную борьбу за все время своего существования в целях проповеди принципов свободного общества. Возможно, что автократам правительства и удастся с помощью кампании правительских запугиваний, задушить голос журнала, как это часто удавалось делать реакции с голосами правды в прошлом. Такая победа будет однако, только временной. Новые голоса Справедливости и Свободы — голоса Анархии — будут подняты, так как правда не может быть побеждена на-веки ложью, справедливость — несправедливостью, свобода — репрессиями.

Будущее принадлежит освобожденному человеку, избавившемуся от форм эксплоатации, репрессий и правительства. Таково значение всякой борьбы в прошлом за дело свободы мысли и свободы слова. Таково значение 19-летних испытаний преследований Маркуса Грахама и преследований журнала «Мэн», ведущихся с 1934 года.

Арестован в апреле 1919 г. в Петерсон, Нью-Джерзи. Заключен под стражу в каунти джэйл. Переведен на Эллис Айланд и заключен под стражу еще на 2 недели. Обвинен в обладании литературой, проповедующей философию анархизма. Приказано депортировать в Канаду. Канада отказалась его принять.

Арестован вторично в феврале 1921 г. в Главной Общественной библиотеке в Нью Иорке. Подвергся жестокому обращению со стороны полицейских (бомб-сквад) во время 24 час. допроса. Заключен под стражу на Эллис Айланд на 6 месяцев. Правительство возобновляет попытки привести в исполнение распоряжение 1919 года о депортации.

Арестован в третий раз в 1930 году в Юма, Аризона. Обвинен в обладании двумя экземплярами «Антологии Революцион-

ной Поэзии», книгой собранной им и опубликованной в 1929 г. В нее включены произведения 400 поэтов мировой известности. Содержался под стражей 2 недели в тюрьмах Юмы, Аризона, Эль Сентро, Сан Педро и Лос Анжелос, Кал.

Арестован в четвертый раз в октябре 1937 года в Лос Анжелос, Кал. Обвинен в том, что является редактором анархического журнала «Мэн» со времени его основания в январе 1923 года. Содержался под стражей больше недели.

Заключен под стражу в пятый раз 14 января 1938 года в Лос Анжелос, Кал., когда «либеральный» судья Леон Янкевич приговорил его к 6 месяцам тюремного заключения за отказ давать показания против самого себя в попытке Департамента Иммиграции провести в жизнь распоряжение о депортации 1919 года. Заключен под стражу на неделю слишком.

Выпущен на свободу под залог в 1000 дол. по распоряжению о депортации и под залог в другую тысячу долларов в ожидании решения по апелляции на приговор судьи Янкевича в Выездной сессии Апелляционного суда.

Приговор отменен высшей инстанцией. 28 октября 9-ая Выездная сессия Апелляционного Федерального суда отменила 6-ти месячный приговор за «презрение к суду» на единственном основании самоинкриминирования. Одобрила решение судьи низшей инстанции по главному вопросу в деле — проведение в жизнь распоражения о высылке 19-летней давности, заведомо потерявшего силу. Передала дело вновь на рассмотрение низшей инстанции для выяснения, какие вопросы считать само-инкриминирующими и предявить к Грахаму обвинение в «презрении к суду», если он вторично откажется отвечать на другие вопросы.

***

Вековая проблема Свободы мысли в 19-летнем преследовании Маркуса Грахама.

Адвокаты излагают факт 19-ти летнего преследования.

В основном и по существу дело это связано с вековой проблемой свободы слова и печати. Оно связано с недавним делом Саллиты, так как апеллянт по нему, Маркус Грахам был издателем ежемесячника «Мэн» и является тем самым человеком, который снял в аренду под контору редакции помещение в ресторане «Оклэнд». За преступление сдачи помещения в аренду названному издателю и подвергся преследованиям Саллито, которого в конце коннов было приказано выслать из страны. (Страница 18 судебного протокола). Только после большой волны протеста со стороны либеральных и интеллигентных кругов по всей стране власти в Вашингтоне временно отказались от решения депортировать.

Вслед за инцидентом в Оклэнде апеллянт перевел издательство в Лос Анжелос. Однако, иммиграционные власти в Сан Франциско не забыли его, а попросили и получили разрешение на «возобновление» дела. Если бы апеллянт прекратил выпуск журнала к этому времени, мы морально убеждены, что дело вновь не было бы поднято. Как видно из вещественного доказательства «М» (Стр. 72 этого протокола возражений) сразу же после ареста апеллянта в октябре 1937 года инспектор Гэндерстон заявил апеллянту: «18 марта 1936 года Департамент распорядился, что бы были возобновлены допросы по вашему делу с целью получения от Вас сведений относительно гражданства. Допрос и делается с этой целью». Как видно из других частей Протокола Возражений и было бы бесспорно ясно для каждого, кто потрудился бы прочесть все протоколы разбирательства иммиграционными инспекторами, представленные в оригинале, как доказательство «М» в деле по апелляции, — все дело поднятое во второй раз инспекторами основано на первоначальном распоряжении о депортации 1919 года. Единственная цель возобновления дела — это получение данных, требуемых канадиским или каким другим правительством страны рождения апеллянта для полного доказательства такому правительству при-

надлежности высылаемого и для выполнения приказа о депортации 1919 года. Таково было мнение самого апеллянта и его защиты до дня допроса на заседании Районного суда.

**
*

Беззаконные действия иммиграционных чиновников оправданы судьей Леоном Р. Янквич.

Районный суд ошибался поддерживая возражения на просьбу апеллянта на том основании, что по делу пренебрежения распоряжения суда согласно 8USCA, параг. 152 суд не может пересматривать дела в отношении соблюдения формальности или же беспристрастности разбирательства в случаях, когда дело касается депортации (изгнания) по настоянию Иммиграционных властей и таким образом лишает обвиняемого соблюдения формальностей, гарантированных Пятой Поправкой.

Допустим в целях аргументации, что «беспристрастие» разбирательства о депортации может быть рассмотрено судом только после окончательного приказа о депортации. Защита полагает, что апеллянт достаточно указал на полное отсутствие каких либо доказательств подтвердить решению юрисдикционного факта Райтонным судом о том, что «Старое распоряжение о депортации стало «Функтус оффисио». — Отсюда вытекает: теперешнее расследование — новое расследование или разбирательство, ведущее к выяснению права иностранца оставаться в Соединенных Штатах». (стр. 55 Протокола).

Для апеллянта трудно понять логику этого силлогизма. Кажется, что суд утверждает, что, если Иммиграционные власти ошибочно думали, что старое распоряжение до сих пор имеет силу и полагались на него, как на авторитет, суд мог бы уведомить их об их ошибке и одобрить все их действия, сказав им, что, хотя они и не знали об этом, они поднимали совершенно новое дело. Хотя такое пост фактум прощение несомненно и нравится Департаменту Труда, оно нисколько не ограждает прав апеллянта-иностранца. Оно не избавляет его от дней проведенных им под стражей без разрешения на арест или от расходов по внесению залога, по услугам легальной защиты. Это не избавляет Департамент Труда от нарушения им Правила 19 его собственных постановлений, а также и Пятой Поправки в конституции.

Дальше, не должно быть забыто, что в обращении перед судом (стр. 12—47 Протокола) утверждалось, что возбужденные расследования покоятся на старом решении 1919 года (См. строку 13 стр. 19 и вещественные доказательства Ф и Г. стр. 38-40 Протокола). В целях возражения обвинитель в открытом заседании суда признался в правоте указанных утверждений в обращении защиты. Поэтому вдумываясь в решение по возражениям мы должны понимать, что было вполне признано отсутствие нового дела, а начато возбуждение и пересмотр старого дела на основе приказа о депортации 1919 г.

Теперь же, поскольку Районный суд уже указал, что старый приказ — «Фонктус оффисио», так как он не был проведен в жизнь в резонный период времени и является причиной запоздалого появления по необходимости должен следовать, что все возбуждение дела является «ультра вирес», (пристрасным) и наперекор «законным формальностям», а потому для апеллянта не была необходимым отвечать на вопросы и он должен быть освобожден от преследований.

**
*

Иммиграционные правила нарушены, так как арест Грахама в1937 году не по новому делу, а по старому приказу о депортации 1919 г.

Правило 19 Раздела А Иммиграционных Постановлений говорит, что чиновники должны производить тщательные расследования всех случаев, где им достоверно донесено или где у них есть основания полагать, что указанный иностранец в Соединенных Штатах подлежит аресту и депортации по приказу.

Из вышеизложенного вполне явствует, что в данном случае не было совсем соб-

людено правило 19-ое поскольку дело касается нового расследования, так как не было потребовано—и получено нового распоряжения об аресте: ни защита, ни сам апеллянт не были поставлены в известность о характере обвинений против иностранца, кроме прочтения старого распоряжения 1919 г. и получения копий названного разрешения, а также протокола следствия 1919 г. Эти были вручены очевидно в соответствии с Правилом 19 п. показывают вполне убедительно, что Департамент Труда считал основанием для своей власти (См. стр. 28—37 Протокола). Потому что никакой даже самый дикой игрой воображения можем мы утверждать, что приказ «возбудить дело» (См. приложение Г. стр. 40, 68) удовлетворяет требованиям закона; что такой иностранец «должен быть по распоряжению Секретаря Труда заключен под стражу».

И недавно Верховный Суд строго ограничил административную процедуру, установив, что «право на следствие обнимает собою не только право представить доказательства, но также и резонную возможность выяснить претензии противных сторон и удовлетворить их. Это право изложить доводы предполагают такую возможность: иначе само право оказалось бы лишенным смысла. Те, кто вступают в состязание с правительством в полу-судейских процессах, имеющих своей целью контроль над их деятельностью, имеют право выслушать намерения правительства и быть выслушанными по предложениям прежде, чем оно даст последнюю команду».

Такой резонной возможности не было предоставлено апеллянту. Административная процедура была начата приказом «возбудить вторично дело» и арестом апеллянта. Не было сформулировано нового обвинения — не было получено разрешения на арест — и так за отсутствием определенных обвинений и в результате широкого расследования сотни страниц показаний были собраны различными инспекторами, проводившими слушание дела и многочисленные сложные приложения и документальные доказательства были представлены и заданы вопросы апеллянту касательно всех фаз прошлой жизни его самого, его родителей, прошлого его ежемесячника «Мэн» и его деятельности со дня рождения (См. приложения «М», Протокола Следствия перед Иммиграционными инспекторами).

Из всего вышеизложенного ясно, что так называемое вновь возбужденное следствие фатально дефективно, «ультра вирес», недействительно и нарушает правила Департамента и законов по иммиграции, является лишением должного рассмотрения дела, гарантированного каждому в Соединенных Штатах, даже иностранцам анархистам Пятой Поправкой Федеральной Конституции.

**
*

Судья Янкевич решает материальность вопросов в порядке проведения в жизнь приказа о депортации 1919 г., признанного им недействительным.

Районный суд ошибался в решении, что каждый и все вопросы, изложенные в информации (Стр. 78—83 Протокола) имели отношение и законы на основании 8USCA, Раздел 152 и Иммиграционного Закона, потому что, если бы следствие было новым, не было издано разрешение на арест; ни обвиняемому, ни Районному суду не было сообщено о характере обвинений, за которые он был заключен под стражу и подвергся инквизиции. Следовательно, за отсутствием нового разрешения на арест у секретаря Труда, как того требует закон и правила Иммиграционных властей (Правила 19) обвинений не было. Возникает тогда вопрос: к каким предметам вопросы имели отношение? За отсутствием новых обвинению для Районного суда было невозможно решить, имели ли какую относительность заданные иностранцу вопросы: может быть они имели отношение только к сути дела по разрешению об аресте 1919 г. Районный суд ошибался решая, что в следствии по депортации иностранца можно заставить отвечать на

вопросы, которые могут способствовать инкриминированию его в соответствии со штатными или федеральными уголовными законами и так лишить апеллянта права против само-уличения, гарантированного Пятой Поправкой к Федеральной Конституции.

Признано, что указанные вопросы, заданные апеллянту, способствовали бы уличению его. Таковы были утверждения в обращении апеллянта на суде (Стр. 23 Протокола) и были признаны открыто правильными для целей возражений. (Строка 22, стр. 67 Протокола).

Легальность или нелегальность в'езда апеллянта в Соед. Штаты не является и не может являться дольше предметом следствия, так как иностранец, прибывший нелегально до 30 июня 1924 года и не покинувший пределов страны, не подлежит депортации за нелегальный в'езд. Конгрессом был принят закон ограничения и проживания и апеллянт проживает в Соединенных Штатах вполне законно.

**
*

Судья Янкевич пытается переписать законы Конгресса и помочь преследованию Грахама.

Районный суд ошибался решая, что преследования по суду за неповиновение на основании 8USCA, Раздел 152 применимы в случаях, сопряженных с депортацией за действия совершенные после в'езда в Соед. Штаты.

Районный суд большую часть своего мнения посвятил тому, что часто называется «судейским законодательством» — доводом, почему действие закона должно распространяться и на случаи, которых никогда не мог иметь в виду Конгресс.

Так как Раздел 16 (8USCA, Раздел 152) предусматривает допрос иностранцев и других для целей «выяснения, принадлежат ли они к какому либо из исключенных классов, перечисленных в Разделе 3 таковой; раздел же 3-й в свою очередь касается иностранцев, которые могут быть исключены, и не касается иностранцев, которые могут быть депортированы и тех причин, на основании которых они могут быть так депортированы.

Фактически же, ознакомление с законом об Иммиграции (39 Пост. 874) вскрывает, что закон этот даже не касается вопроса депортации иностранцев до Раздела 18; что ни один раздел и ни одно постановление до Раздела 18, включая и раздел 16, не касается депортации (изгнания) иностранцев.

Наша точка зрения в связи с этим та, что не судам переписывать законы об Иммиграции: это обязанность Конгресса. Конгресс не имел в виду, чтобы Раздел 16 применялся в тех случаях, где на депортации настаивают по причине проступков, совершенных после в'езда в Соединенные Штаты. Существует большая разница между «исключением» и «депортацией», и правами иностранцев.

Правда, по делу Луфакис текст гласит, что Раздел 16 применим к депортации, а также и к исключению. Больше того, основываясь на решении по этому делу Департамент решил вторично возбудить дело. Однако, по делу Луфакис стоял вопрос легальности в'езда иностранца; в деле Грахама такой вопрос не может подниматься, так как он прожил в стране 19 лет и обвинения против него могут быть выдвинуты только за действия, совершенные после в'езда. Поэтому дело Луфакиса не может служить прецедентом.

Единственная цель поднятия дела — исполнение решения о депортации 19-летней давности.

Районный суд ошибался, применяя действие 8USCA, Раз. 152 в деле против иностранца, в отношении которого уже было вынесено окончательное постановление о депортации и когда единственная цель разбирательства — получить сведения, требуемые иностранной державой прежде чем последняя выдаст ему разрешение на в'езд в целях проведения в жизнь депортации такого иностранца.

Если все дело ведется на основе распоряжения 1919 г., тогда право иностранца «в'ехать, приехать вторично, прожи-

вать или же проехать проездом через Соед. Штаты не ставится под вопрос, так как этот вопрос был уже решен в неблагоприятном для иностранца смысле постановлением о депортации.

Цель вторичного возбуждения дела Департаментом Труда разоблачается официальными документами: не выяснить право иностранца «в'ехать, вторично прибыть, жить или проехать через Соед. Штаты, а просто заставить Грахама, чтобы он «дал сам о себе сведения, которые могут облегчить депортацию». (Строка 24, стр. 38 Протокола); сведений, кои могут помочь в установлении его национальности и «до сих пор было невозможно получить согласие канадийских властей на его возвращение» (Строки 6 и 9, стр. 40 Протокола). Предыдущее убедительно показывает, что единственная цель всего следствия — получить сведения, требуемые канадийскими властями прежде, чем они выдадут паспорт Грахаму и тем обезпечить приведение в исполнение распоряжения о депортации 1919 года.

***

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приговор апеллянта, основанный на этих следствия о депортации, представляет собою лишение должного процесса закона, который гарантирует конституцией всем иностранцам, как и гражданам, и является примером беззаконного проведения законов, что должно быть исправлено в этом суде.

С уважением вручается
Ли Бэйлор Стантон,
А. Л. Вирин,

Адвокат защиты.

***

РЕЧЬ ГРАХАМА НА СУДЕ ПЕРЕД ВЫНЕСЕНИЕМ ПРИГОВОРА

(Когда он был приговорен к заключению в тюрьме на 6 месяцев судьей Леон Р. Янковичем.)

Суд об'явил с кресла, что он не окажет поддержки приведению в исполнение постановления от 18 ноября 1919 года, но в то же самое время об'явил меня виновным в неповиновении суду после того, как я отказался отвечать на вопросы во время следствия, возбужденного Департаментом Труда на основании постановления об аресте 1919 года.

Теперь, если постановление о депортации от 18 ноября 1919 г. потеряло силу, нужно заключить вполне определенно, что постановление об аресте от апреля 1919 года тоже утратило силу. Я был арестован и заключен в тюрьму 6 октября 1937 года в этом самом городе. Меня держали под стражей 8 дней и теперь нахожусь на свободе под залог в тысячу долларов.

Просмотр протоколов следствия на всех допросах иммиграционных чиновников вскрывает, что нового распоряжения об аресте испрошено не было и единственное разрешение на арест — это постановление по моему делу от апреля 1919 года. Как доказательство, я прочту первую страницу протокола следствия от 11 октября 1937 года. В самом начале заявления обращенного ко мне, инспектор Гендерсон утверждает:

«Я отсылаю Вас к допросу, учиненному этим Департаментом на Эллис Айланде, Нью Иорк, 25 апреля 1919 года, во время которого Вам была предоставлена возможность изложить причины, почему Вы не должны быть депортированы на основании выдвинутых против Вас обвинений. В то время Вы заявили, что Вы родились в Монтреаль, в Канаде; впоследствии, 18 ноября 1919 года постановление Департамента о депортации в Канаду было принято и оно до сих пор остается в силе.

Должно, поэтому, заключить, что все допросы местными властями, имевшие место со времени ареста 6 октября, нужно считать противозаконными, а, следовательно, и появление их в этом суде для получения разрешения заставить меня быть участником допроса в результате незаконного ареста есть такая вещь, что этот суд в ограждение своего собственного имени не должен допустить. Суд должен пересмотреть свое собственное вчерашнее решение,

которым я был обвинен в презрении к суду.

Дальше, ознакомление с отменой распоряжения Департамента Труда о депортации меня в Мексику от 15 ноября 1930 года, дает главную причину тому, что я подлежал депортации по постановлению 1919 года — 11 лет спустя после распоряжения!

Вторичное возбуждение дела в 1936 году, а также протоколы всех допросов, имевших место здесь со времени моего ареста в октябре 1937 года покажут суду, что Департамент Труда до сих пор считает распоряжение о депортации от 18 ноября 1919 года имеющим силу. Готовность районного прокурора признаться, что оно утратило силу, проявляется только после того, как этот суд указал, что он считает такое постановление потерявшим силу.

Позволением оставить свое вчерашнее решение в силе и приговором меня сегодня суд закрепляет как нечто правильное позицию анархистов в отношении правительства, как к административному органу, не служащему интересам народа, а в ущерб им, не правды и справедливости, а крайней несправедливости.

Как анархист я верю, что человечество не нуждается ни в какой форме правительства и законах, чтобы ограждать благополучие, мир и счастье людей. Факт тот, что само существование правительства, его судов, тюрем, его армии и массы бедствующих и лишенных всех благ разоблачает его бесполезность и вред и осуждает его моральное право на существование вообще. Естественно, поэтому, мне, анархисту, уклониться от участия в проведении законов в любой стране и, следовательно, я не могу никогда насмехаться над законами, или повиноваться им — разве только в тех случаях, когда меня заставят силой. И силой, а не убеждением, правительства проводят свои законы в жизнь.

Районный прокурор имел также смелость намекнуть, что отношение ко мне было все время должным. Позвольте мне отметить для занесения в протокол заседания некоторые факты, которые докажут, что его утверждение — ложь.

Мой первый арест случился в апреле 1919 года в Петерсон, Нью-Джерзи. Я был брошен в тюрьму на 2 недели, мне отказывали в вегетарианской пище, только потому, что я — анархист, я не верю даже в убийство животных. Впоследствии я был заключен под стражу на 2 недели на Эллис Айланде и там тоже мне отказывали в вегетарианской пище.

21 февраля 1921 года я был арестован в здании Главной Общественной библиотеке в Нью Иорке и взят на допрос в помещение «Бомб-сквад». За отказ назвать свой адрес я был подвергнут пыткам втечение 24 часов — пыткам, которые потрясли даже докторов на Эллис Айланде, которые осматривали мое тело 1).

Я полагаю, что районный прокурор это тоже назовет «должным отношением». 6 месяцев продержали меня на Эллис Айланде, после этого ареста комиссар Хоу удовлетворил мою просьбу о предоставлении мне вегетарианской пищи. В июле 1930 года ревностный инспектор иммиграции в Юма, Аризона, арестовал меня за обладание двумя экземплярами книги: «Анталогия Революционной Поэзии» — тома, представляющего 40 известных поэтов 20 стран. Ее можно получить во всех лучших общественных библиотеках этой страны. Две недели меня держали в Юма, Аризона, Эль Сентро, Сан Педро и Лос Анжелос, Кал. Во всех 4 местах мне отказыва-

---

1) Со времени моего заключения в тюрьму за «криминальное презрение к суду», я узнал, что теперейший полицейский комиссар НьюИорка, г-н Валентайн, никто другой, как тот Валентайн, который, как член «сквада» участвовал в моем аресте и зверских истязаниях, пережитых мною. Это разоблачение не должно поражать анархистов. Более тесное знакомство с большинством полицейских начальников в стране увенчается таким же разоблачением.

ли в вегетарианской пище.

В октябре 1937 года я был посажен в «каунти джэйл», вынужден был спать на голом полу, хотя иммиграционными законами и предписывается, что иностранец должен содержаться на ближайшем острове. В мой дом ворвались без разрешения на обыск 6 октября 1937 года по указанию г-на Гендерсона, инспектора иммиграции, сидящего здесь. Было захвачено имущество, принадлежащее мне и журналу «Мэн».

Когда двое из четырех арестовавших инспекторов вломились в мой дом, я потребовал разрешение на обыск. Позднее в наручниках я был проведен по улицам города.

Все такие издевательства — не говоря уже о снятии насильственно десятки раз отпечатков с пальцев и фотографических снимков — все это проделываемое представителями правительства — яко-бы слугами народа—почитается за должное отношение и должное проведение закона на основании Конституции.

Только потому, что анархист знает, что администраторы правительства никогда не поступают как слуги народа, он и бросает вызов такой претензии. 19-летнее надругательство, пережитое мною в Соед. Штатах от рук правительства только подтверждает справедливость утверждений анархистов.

Почему я не отвечаю ни на какие вопросы? Главная причина: я не был никогда участником проведения законов ни в одной стране, а, следоватлеьно, я и отказываюсь признать право любой страны допрашивать меня по вопросам моей личной жизни или политических убеждений.

Я упорно отказываюсь надругаться над своим собственным самоуважением и стать свидетелем против себя самого, и ни один суд в стране, низший или верховный — не заставит меня сделать это. Если этот или какой либо другой суд попытается держать в тюрьме за отказ давать показания против самого себя, я не думаю, чтобы понимающие свободу люди в Америке позволили сгноить меня в тюрьме за то, что я так поступаю и так буду поступать.

В Канаде во время последней мировой войны-резни я выступал против набора солдат в армию и я горжусь тем, что я делал это. Там я издавал журналы, которые поддерживали свободу — социальную, экономическую и политическую, как наиболее соответствующую форму жизни для человечества. Над томом «Антологии Революционной Поэзии» я трудился более 10 лет и я горжусь появлением его в свет. Изданию «Мэн», который я редактирую уже 5 лет, я посвящаю все свое время. Если бы не мое редакторство «Мэн» мне бы не грозила тюрьма, но факт тот, что «Мэн» издается легально. Он принимается, как легальный журнал на почте. Никто из сотрудников, ни я сам, никогда не отдавались под суд по уголовным обвинениям за то, что когда-либо было напеч. в журнале. А поэтому, все мое преступление взятое вместе состоит в том, что я мыслю самостоятельно — преступление человека, который бросает вызов существующей форме правительства, как благодетельной для человечества.

Это не в первый раз и не в последний, пока существуют правительства, люди проходят и терпят то, что приходится терпеть мне. Борьба за освобождение человечества от всех пут, которые до сих пор держат его в рабстве, длительная и непрекращающаяся. И пока человечество не добьется полнейшей и наиболее совершенной формы освобождения, борьба не прекратится и не сложат рук своих горделивые защитники и поборники свободы. И я горжусь тем, что я содействовал хотя и не в большой мере, в величайшей из всех борьбе за счастье, истинное равенство, настоящую свободу — для всех детей человечества.

Такова мечта анархического общества. Районный прокурор в заключение драматически сказал, что мое главное преступление в том, что я состою редактором журнала «Мэн», который проповедует такое

общество. Полный гордости я признаю свою вину в этом. И если суд под председательством яко-бы либерального судьи решит насмеяться над своей собственной декларацией, о том, что постановление 1919 года утратило свою силу и пошлет меня в тюрьму за отказ в участии в расследовании, повлекшем за собою мой арест для приведения в жизнь того-же самого приказа о депортации (так как нового приказа о депортации не было), тогда я готов пойти в тюрьму. Заключение меня в тюрьму по решению либерального суда придаст вес утверждению анархисотв относительно основ появления, существования и продления правительств — творения несправедливости.

Я заканчиваю словами величайшего из всех американцев, Гэнри Дэвид Торо, когда он говорил:

«В предпочтение любви, деньгам, славе дайте мне правду».

И я прибавляю — слово Свобода — истинная сущность анархии.

**
*

Что-же вы думаете делать в связи с посягновениями на свободу слова?

Вы, прочитавшие эту брошюру, не можете оставаться безразличными к преследованиям, пережитым идеалистом Маркусом Грахам и журналом «Мэн». Ваше молчание и безразличие будут санкционировать тиранию правительства. Сегодня — Грахам; завтра, если не будет протеста, будет кто либо другой. Эта страна была основана на принципе свободы слова и только бдительность ее народа может оставить ее таковой. Вы можете выразить негодование против таких преследований многими путями. Протесты против утратившего силу приказа о депортации Грахама и требования, чтобы преследования журнала «Мэн» прекратились должны быть посланы президенту Рузвельту и Францес Перкинс, секретарю труда. Копии ваших протестов должны быть посланы в прессу и нашему комитету. Широко распространяйте эту брошюру. Ее Вы получите при добровольном пожертвовании и при оплате почтовых расходов. Обсуждайте это дело с вашими друзьями и в ваших организациях. Помогайте нам в устройстве массовых митингов по всей стране. Помогайте нам в нашем деле денежными пожертвованиями, которых заслуживает это дело. Дело Маркуса Грахама должно коснуться сердца каждого свободу любящего человека. Результаты нашей работы будут зависеть от силы вашей поддержки.

Январь 1939 г.

**
*

Комитет Свободы Печати Маркуса Грахама.

Члены Национального Комитета: Шервуд Андерсон, Ньютон Арвин, Роджерс Балдвин, Эрнст Сутерланд Бэйтс, Вики Баум, Конрад Берковицы, Алис Стон Блэкуэлл, Гэрри Блок, Люис Браун, Говард Брубакер, Стивен Т. Байнгтон, Виттер Биннер, В. Ф. Калвертон, Джон Чамберлейн, Джеорж Каунтс, Каунти Кэллен, Джон Дюи, Роберт В. Донн, Макс Истман, Алексис С. Ферм, Вардис Фитер, Валда Франк, Гом Каннон, Кэйт Крэйн-Гарц, Михаэл Голд, Джеордж Гартман, Уиполайт Хавел, Артур Гарфилд Гэйс, Аммон А. Хенесси, Джон Хэйнс Холмс, Гэрри Кэлли, Фреда Кирчвей, Лоренс Лабади, Роберт Морс Ловетт, Джеорж Е. Мэкдональд, Алексапдер Майкелджон, Эдна Ст. Винсент Миллэй, Х. А. Оверстрит, Волтер Патч, Кэрби Пэдж, Алис Парк, Дороти Паркер, Джон Дос Пассос, Самуэл Полинау, Флозари Роквуд, Джэймс Рорти, Чарлс Эдвард Россел, Жулс Скаррерьо, Франк Сколли, Джеордж Селдес, Джеордж Сул, Доналд Огден Стюварт, Бенжамин Ф. Столберг, Рут Сукоу, Норман Томас, Джим Толли, Люис Унтермайэр, Гэрри Ф. Ворд, Вилльям Аллен Ворд, Джеордж Вест, Джэймс Ватерман Вайз, Арт Юнг. Всю корреспонденцию и пожертвования направляйте:

Marcus Graham Freedom of the Press Committee, P.O. Box 971, Los Angeles, Cal. U.S.A.

XX-ый Цивилизованный век

По неизменному закону природы самосохранения, развития и самосовершенствования всего существующего, человек, как разумная частица вселенной, не может не прогрессировать с ходом истории. И точно так же, как младенец растет и становится взрослым, постоянно изучая и находя беспредельную правду о жизни, так человечество в общем, развиваясь всесторонне, идет к истинному прогрессу совместно с временем.

История подтверждает, что в ранние эпохи, массы в общем, были менее развиты умственно и менее чутки нравственно. Мы, современники и представители более зрелых поколений, в самом деле, познали мир огромных возможностей. Мы выросли и преуспели умственно и нравственно. На многих поприщах науки мы достигли огромных результатов, и безустанно стремимся все дальше в сфере все новых и новых изысканий. В области искусства мы также пошли вперед и безудержно прогрессируем.

Гении и таланты все больше в состоянии проявить себя: способные тоже в известной степени преуспевают и торжествуют. В современной, так называемой, цивилизации, главным двигателем коей является технический прогресс, материальное благо предопределено машинным веком. XX-ое столетие само по себе, как цивизация — фантастическая правда.

Тот факт, что только одна четвертая часть народонаселения цивилизованных стран работает продуктивно, на счет трудов которого существуют остальные три четверти населения со многими миллионами безработных, свидетельсттвует о неимоверном прогрессе техники 20-го века и о величии ее созидателя, как и о самой материалистической цивилизации.

Неограниченное стремление человека к материальному благу, его материалистические, доходящие до варварской жестокости наклонности, исключительная, преступная тяга некоторых к власти задерживают, главным образом, все человечество на пути к истинному и всестороннему прогрессу и к нравственному возрождению. а главное, к более равномерному распределению материальных благ. Но наши руководители, правители, да вообще власть имущие, индустриалисты и экономисты всегда стремятся к противоположному, к тому, чтобы удержать массы в порабощении. Они успешно ухитряются то одним, то другим путем удерживать огромное большинство в нужде.

Без массового порабощения неустойчиво положение богачей и власть имущих. Поэтому массовое рабство в любом виде, во всяком состоянии, — основной и верный фундамент для обогащения и прославления единиц. Экономическая необеспеченность масс — верное орудие для этого. Массы безвольны, если нет у них средств для существования. Правда, они же и опасны, если положение их совершенно безвыходное. Таким образом, часто надвигается гроза, которую во время не замечают эксплоататоры - властелины.

С той поры, как индустрия чуть ли не в каждой отрасли увеличилась, достигла неимоверных размеров, благодаря развитию техники, человеческая жизнь очень усложнилась и огромные заботы сопровождают наше существование. Индустриалисты и капитал, эксплоатируя все изобретения, предлагают все новые предметы потребления, вводя их в обиход жизни. И производитель и потребитель — массы, крестьянин и городской житель, все, будучи прямо или косвенно эксплоатируемы капиталом, не в состоянии приобрести все им необходимое.

И благие изобретения, будучи сосредоточены в руках единиц, вместо блага и радости несут зло и печаль. Поэтому-то безработица и нужда заняли место труда и довольства. Лишь одна горсть людей жи-

вет в чрезмерном довольстве, незначительное число людей имеет всего в избытке, а массы беспримерно прозябают. Таково положение огромного большинства везде и всюду в наш век величайшего расцвета техники, машин, индустрии и капитала.

Будучи хитро обираемы политическими и индустриальными трестами, магнатами, массы невольно в своих начинаниях, из кожи лезут вон, только для того, чтобы быть в состоянии пробиться, дабы влачить жалкое существование. Международные отношения тоже становятся все более натянутыми, преимущественно благодаря конкуренции индустриальных владык, мировых хозяев, да ищущих национального величия и мировой славы властителей и повелителей различных государств.

Невольно приходится напомнить властителям и зачинщикам о том, что мировая империалистическая война была самой роковой из всех войн в истории, какую только знало человечество. Новейшие технические изобретения только помогли увеличить этот ужас. А ныне властвующая мировая клика грозит народам еще большим разрушением. Надвигающаяся гроза кажется почти непредотвратимой; и зло назревающее, несмотря на бессмысленность, невыгодное положение и всеобщий вред его, тоже кажется неизбежным.

С развитием технической цивилизации в столь эгоистическое время, как наш 20-й век, вреда больше людям от техники, чем блага. Техническая цивилизация и эгоистическая психология загнали человечество в тупик. Но следует только технику и все научные изобретения употребить в разумном порядке, исключительно на благо человечества, то почти не стало бы никакой материальной нужды в человеческом обществе. Экономические кризисы невозможны были бы, и конечно, не было бы причин, вызывающих войны.

Не кажутся ли прямо таки трагически смешными такие отношения людей, когда одно государство ищет войны с другим, или вообще захвата земель, в мире столь богатом техникой, необ'ятными просторами, природным достоянием, материальным избытком и экономическим величием? Если от какой нибудь кучки людей, именующих себя правителями народными, зависит превращение аэроплана, долженствующего служить нам способом помощи скорого сношения, в орудие убийства и разрушения, то это еще один лишний раз говорит нам о том, как ничтожна в действительности воля народная перед лицом продажной, жалкой и безответственной власти, так дерзко на все божеские и человеческие права претендующей.

На содержание армии, флота и военной авиации, на амуницию и шпионаж, постройки крепостей, броненосцев и тюрем тратятся огромные денежные средства, собираемые в виде разных налогов с бедствующих народных масс. Видать, что массы еще малокультурны, если их можно загипнотизировать, уговорить или заставить отдавать непосредственно и косвенно последнее, да рисковать своей жизнью на войне, от которой уж несомненно им никакой пользы нет. А ведь со времени мировой войны, военные силы почти всех государств чуть ли не удвоились. С развитием техники, вновь изобретенные, более усовершенствованные убийственные и всеразрушающие орудия, да вообще военное дело, ныне во многом базирующееся на открытиях в области химии, грозит не только неизвестными доселе массовыми убийствами и разрушением, но чуть ли не уничтожением всей этой материальной и ложной цивилизации и всей культуры. Общая малокультурность и нравственный упадок масс, чрезмерно развитый материализм, да чрезвычайный эгоизм, которым усиленно, точно отравой, пропитаны люди всем существом своим — главные причины этого явления.

В общем, человек, в массовом масштабе, если не отстал и не застыл, то уж никак не ушел далеко в нравственном отношении, в ложно-прославленный двадцатый цивилизованный век. Эгоизм человеческий все еще руководит почти всеми делами нашими в такой же мере, как располагает затеями и жизнью любого низше-

го животного. И, каким трагическим по-
ложением не казалось бы это явление, все
же остается неоспоримым фактом то, что
эгоизм, будь то личный, общественный, на-
циональный или идейный, является пер-
вой и самой главной внутренней причиной
всех человеческих страданий во все вре-
мена.

Экономический мотив, не единственная
и не исключительная причина, как утвер-
ждают некоторые экономисты, ведущая ко
всяким неурядицам в общем, а также к
международным конфликтам и войне. При-
нимая во внимание огромные затраты на
ведение современной войны и сознавая ни-
чтожные выгоды даже победителей, ясно
для каждого, что с экономической стороны
всякая война, это — полный провал. Со-
образуя же потери жизней и страдания на-
родные, всякая война, — крайнее государ-
ственное преступление. Выгод нет никому
от войны: чередуются лишь временно вою-
ющие государства в своем мнимом вели-
чии, своими покорениями и потерей тер-
риторий, в то время, как мать-земля не
увеличилась и не убавилась от этого. За-
то много миллионов людей были убиты,
еще больше искалечено, народное достоя-
ние уничтожено, дома разрушены, а близ-
кие погибших страдают физически и мо-
рально всю свою жизнь. Только когда аль-
труизм, хотя бы частично, фактически зай-
мет место эгоизма в отношениях людей,
лишь тогда человечество явится свидете-
лем действительного прогресса, истинного
культурного расцвета и вступит на путь оз-
доровления и возрождения.

И несмотря на то, что горсть безум-
цев, власть имущих, их близкие, их слуги,
да загипнотизированная диктаторами воен-
ная клика, окружили мир железным коль-
цом отравы и жестокости, угрожая брато-
убийственной войной и разгромом, все же
в душе человеческой вечным пламенем го-
рит огонь несгораемый и рвется из глуби-
ны тьмы и невежества к отрадному свету
правды и свободы. Этот яркий луч света
и справедливости, обитающий внутри нас,
в конце концов превзойдет дикие эгоисти-
ческие инстинкты, толкающие на зло и
преступление, и озарит судьбу и участь
всех людей в годы грядущие.

В эту сторону и должен направить
свой разум, совесть, энергию и силу весь
наш род человеческий.

Б. Гершенфельд.

КТО ТАКИЕ АНАРХИСТЫ

Кто такие анархисты? Вы наверное
много о них слыхали. Но, к сожалению,
слышали только дурное. Наверное вам
говорили, что «анархисты — грабители»,
«анархисты — убийцы», «анархисты —
разбойники», словом, анархисты — самые
ужасные люди и уничтожить их должно
быть желанием каждого человека.

И в вашей голове уже сложилось по-
нятие об анархистах, как о жалких, тем-
ных, низких, павших личностях. Если вы
имеете доброе сердце, вы жалеете несча-
стных, «заблудившихся людишек». Если
ваше сердце злое, вы кипите негодовани-
ем и готовы собственноручно вырезать
«эту язву общества».

Но если бы вы знали страдания анар-
хиста, который смотрит на вас в эту ми-
нуту. Его сердце разрывается, когда вы,
не зная кто такие анархисты, легкомыс-
ленно судите о них, как о самых послед-
них отбросах общества.

Не вдаваясь в подробности, постара-
емся выяснить в кратких словах, кто та-
кие анархисты и чего они хотят сделать
для того, чтобы вы могли безошибочно су-
дить о них. Прежде взглянем на весь
мир, на все человечество. Что же увидим
мы? Одни работают, другие — обжираются.
Одни голодны, другие — пухнут от
жиру. Одни живут в подвалах, в шалашах;
другие — в дворцах. Одни оборваны, раз-
деты; другие — в шелку и дорогих мехах.
Одни в грязи; другие — в бриллиантах.
Одни подчиняются; другие — повелевают.
Одни — рабы; другие — господа!

Почему это так?!

С давних времен многие люди ломали головы над этом вопросом. Много, много думали и, наконец, додумались. Додумались до того, что нашли необходимым перестроить весь мир на новых началах, т. е. сделать так, чтобы не было ни бедных, ни богатых, живущих на счет бедняков; ни голодных, ни обжирающихся, ни рабов, ни господ, чтобы все люди были равны, чтобы все одинаково пользовались благами жизни.

Для жизни человечества необходим **«Мир, хлеб и воля».**

Но не все желают переустройства мира. Конечно, господа не хотят лишиться своего счастья. И вот идет вечная обрьба. Борьба между господами и рабами. Между сторонниками старого и нового мира. В первых рядах борцов за новый мир, за «мир, хлеб и болю» всегда были, есть и будут анархисты.

Кто же такие анархисты?

Анархисты — такие же люди, как и все живущие на земле. Разница только в том, что анархисты более чувствительны, более отзывчивы, более впечатлительны.

Анархисты не могут смотреть без содрагания на страдания другого. Чужое горе, чужие слезы анархист принимает близко к сердцу и старается облегчить страдания каждого живого существа. Анархисты — противники насилия и борятся за свободу личности. Анархисты — противники власти, противники государства. Потому что, до тех пор, пока существует власть, не может быть свободы. Пока существуют государства, будут войны, безработица, голод. Анархисты — противники суда, тюрьмы и, вообще, наказаний. Ибо наказание не уничтожает преступлений, а тюрьмы не исправляют преступников. С преступниками нужно бороться словом, убеждением, устройством такой жизни, при которой преступления станут излишними, ненужными и для самих преступников. Анархисты — противники собственности, ибо собственность источник всех зол и преступлений в жизни. До тех пор, пока существует собственность, будут и бедность, и нищета, и голод, и слезы, и страдания

Анархисты говорят:

«Все принадлежит всем вообще и никому в отдельности».

Земля — ничья и всякий имеет право пользоваться ею наравне с другими. Фабрики, заводы — народные и каждый может работать на них. Анархисты — противники религии. Ибо религия делает человека рабом. Анархисты не верят ни в каких богов, ибо они не существуют. Бог был создан для того, чтобы запугать рабов. Но анархисты не притесняют тех, которые верят и молятся богу. Пусть каждый верит по своему.

Анархисты борятся за свободу, равенство и братство. Но анархические свобода и равенство не то, что республиканская свобода и равенство. Анархисты борятся че за партию, а за народ. Анархисты хотят не властвовать, не господствовать, а просто — жить. Жить не за счет других, а собственным трудом. Анархисты не говорят, что они дадут народу счастье. Нет! Анархисты не могут «дать». Но народ сам — освободившись от гнета — создаст себе счастье. Обещают «дать» только те партии, которые стремятся к власти над народом. Пока эти люди борятся за власть, они обещают народу все. А как только получат ее, не дадут народу ничего. Даже отнимают у народа последнее. Анархисты не хотят власти. Они не хотят обирать народ. Они желают народу счастья. свободы и благоденствия.

Для того, чтобы узнать хотя немного анархистов, достаточно взглянуть на них в любой момент, хотя один только раз и сразу можно понять, чего они хотят народу — «добра» или «зла». Анархисты против войны, против смертной казни, против расстрелов, против контрибуций, налогов и реквизиций с трудового народа.

Анархисты хотят свободного развития профессионального движения, свободы союзов, свободы собраний, свободы слова. А

разве народ против всего того, против чего и анархисты? Разве народ не хочет того же, чего хотят и анархисты? Ясно! Желания народа, это желания анархистов. Желания анархистов, это желания народа. И как ни стараются наши враги оклеветать анархистов, называть их самыми неправдоподобными именами, народ поймет, кто такие анархисты и чего они хотят, и, протянув им братскую руку, скажут: «вы — наши истинные друзья. Вы — боретесь за нас. Так давайте бороться общими силами и будем жить вольными и свободной жизнью.

В заключение приведу несколько «истин», при осуществлении которых человечество будет жить, ни в чем не нуждаясь, истинной братской жизнью, забыв вражду и раздор: «Братья, любите друг друга!» «Поступай с другими так же, как бы ты хотел, чтобы поступали с тобой». «Каждый имеет право жить наравне с другими». «Делай, что хочешь; другим не мешай». Эти истинные слова — слова анархистов. На них основывается все учение о великой жизни, и вольной жизни, на них основывается все учение анархистов.

Вот кто такие анархисты, чего они хотят и на чем основывается их учение. Я сказал об этом очень кратко, но если у-тите более подробно ознакомиться с учением анархистов, то вы всегда можете сделать это. Читайте сочинения Кропоткина, Малатесты, Бакунина и других писателей — учителей анархизма. А затем, убедившись в правильности их взглядов, идите в ряды тех, кто проповедуют свободу и не хотят быть ни господами, ни рабами.

Мартин Рубов.

ПРИХОДЯЩЕМУ

К тебе, товарищ, только-что познакомившемуся с идеей полного освобождения от всякого гнета и насилия человека над человеком, еще только желающему вступить в ряды защитников этой идеи и борцов за нее, обращаюсь я.

Прежде чем вступить в эти ряды, подумай о том, что ждет тебя, измерь свои силы, собери все свое мужество, свою любовь к человечеству, свое негодование и возмущение окружающими тебя гнетом,, насилием и рабской трусостью, и реши: хватит ли у тебя силы на эту борьбу? И только после того, как ты взвесил все, что встретится тебе на этом пути,—иди.

Но тогда уже не жалуйся на усталость, на те тягости и горести, на страдания и гонения, которым подвергнешься ты. Ведь ты знал, что ты вышел на борьбу со всем окружающим тебя, со всеми теми элементами общества, которые задерживают и уродуют свободное развитие человечества и каждого человека в отдельности. Ведь ты знал, что твоих друзей и единомышленников только горсточка, и что они окружены враждебным им большинством,— тем мещанским болотом, в котором часто тонут одиночки, ибо всем орудиям насилия, подавления, гнета и уничтожения они могут, пока противопоставить только веру в правоту своего дела.

Знай, что те, кому выгоден современный насильнический строй, будут гнать и преследовать тебя, если ты не подчинишься и не пойдешь на компромисс, — все равно, будешь ли ты распространять и проповедывать свои убеждения там, где ты родился и вырос, или же там, куда тебя занесет судьба.

Не забудь, что встав, в ряды борцов за полное освобождение человека, за анархию, ты не должен ждать того золотого времени, когда установится на земле анархический строй, а должен сейчас, немедленно проводить то, что считаешь нужным и полезным, и строить свою жизнь на свободнических началах. Стремление устроить свою жизнь на началах свободы в условиях настоящего времени и есть самая трудная и важная борьба, которую только можно вести. И только эти попытки — построить новую свободную жизнь — толкают человечество по пути к свободе.

Но не думай, что та свобода, за которую ты борешься, означает: «все позволено»; и что борясь за свободу, ты можешь применять все возможные средства насилия, которые употребляют твои противники. Ведь свобода возможна только тогда, когда она основана на уважении к чужой личности, будь это друг или враг. Всякий борец за свободу должен всегда помнить основной принцип: «Моя свобода кончается там, где начинается свобода другого». То-есть, во всех своих поступках человек, стремящийся к свободе, должен следить за тем, чтобы он этими поступками не посягал на свободу всякого другого человека.

Всякий, стремящийся к свободе, должен всегда помнить, что поступая так, а не иначе, он может опираться только на самого себя, на свои убеждения и взгляды, а не прикрываться каким-либо авторитетом; и нести ответственность за свои поступки, как бы ни была она тяжела, а не прятаться за чужие спины.

Стремясь к свободе, он не боится взглянуть правде в глаза и честно сознаться в своих ошибках, ибо все движение человечества вперед, а также развитие каждой отдельной личности и основаны, главным образом, на исправлении своих ошибок. «Не ошибается только тот, кто ничего не делает».

Если те требования, которые я предъявляю тебе, ты можешь удовлетворить; если ты не боишься пойти навстречу ожидающему тебя; если ты, — несмотря на то, что на своем пути ты встретишь только тернии и шипы, плевки и ругательства, тюрьму и изгнание, моральные и физические пытки, — несмотря на то, что те угнетенные, которые наиболее близки тебе первые же нанесут тебе удар, — несмотря на все то зло, которое принесут тебе люди, если ты не озлобишься и не потеряешь веры в человечество и любви к нему, предвидя все те поражения и унижения, которые придется пережить тебе; если ты, все таки, пойдешь по этому пути, — то привет тебе, приходящий в ряды борцов за анархию!

Гай Вагенд.

ЭЛЕМЕНТЫ РЕЛИГИОЗНОСТИ И ЭЛЛИНИЗМА В МИРОВОЗЗРЕНИИ Е. З. ДОЛИНИНА (МОРАВСКОГО)

(ДОКЛАД, ПРОЧИТАННЫЙ М. РУБЕЖАНИНЫМ НА ПОМИНАЛЬНОМ СОБРАНИИ В ЧИКАГО, 18-го МАРТА 1939 ГОДА)

(Окончание)

Большевизм ничего не построит, потому что он — безбожен и безнравственен. Капитализм переживает состояние упадка и разложения, потому что он — антихристианен. Христианская церковь засорена, опоганена. Из нее должны быть изгнаны торгаши и менялы.

Древняя церковь осуждала богачей и отвергала богатства. «У нас все общее, за исключением наших жен»,—говорят Тертуалин и св. Юстин.

«Земля, — говорит св. Амвросий, — была дана богачам и беднякам в общее владение. Почему, о вы, богатые, присвоили ее в собственность себе одним? Природа создала общие права, а узурпация — право частной собственности.

— Богатства, — говорит св. Иерсним,
— всегда продукт грабежа.

— Богатый человек, — говорит св. Василий, — грабитель.

— Беззаконие, — говорит св. Климент,
— основа частной собственности.

— Богатый человек,—говорит св. Иоанн Златоуст--бандит.

Вместе с французским философом Гюйо, Е. З. соглашался, что Христос пришел в мир не для того, чтобы внести успокоение в души людские, а чтобы вызвать беспрерывную борьбу идей; принес не покой, а движение и прогресс духа; не универсальную догму, а свободу убежде-

ний, составляющую основное условие роста. В равной мере претил ему и всякий фанатизм. Антирелигиозный фанатизм так же опасен, как и религиозный.

И противники религии очень часто совершают непростительную ошибку, презрительно относясь к людям религиозным.

Христианство Е. З. умел сочетать с эллинизмом. Большой знаток античного мира, он преклонялся перед непревзойденной его философией, искусством, скульптурой, драмой, красноречием, поэзией, этикой, мистикой, бурной политической жизнью; героическими подвигами Богов и людей.

С благоговением Е З. говорил об Елевзейских мистериях. И цитировал слова ритуала посвящения: «Пусть сюда не входят те, у кого руки не чисты и чей язык неблагоразумен!...» Разве это не похоже на «Оглашенные изыдите?».

Пиндар говорит о посвященных в эти мистерии, как о благословенных людях, которым в них открывались тайны бытия, при такой потрясающей обстановке, что такой изверг, как римский диктатор Нерон, пришел в страх и трепет.

Что замечательнее всего в античной философии и даже в политике это — неустанное, страстное искание правды, справедливости, истины, неудовлетворенность одним богоискательством и претворение в жизнь всего идеального, лучшего и возвышенного.

Замечательно также и то, что древние греки на протяжении своей многотысячелетней истории жили отдельными, независимыми городамми — республиками. Почти каждый город представлял самостоятельную политическую единицу, целое маленькое государство, которые только в редких, исключительных случаях, федерировались для отражения общего врага (персов, македонцев, римлян и др.).

Большие государственные об'единения в нашей современной форме представлялись грекам невыносимыми тираниями, в которых задыхается свободный человек. Всякое большое государство, с точки зрения античного человека, — деспотия, низшая варварская форма политического устройства, а население его обречено на рабство.

И Платон считает, что чем больше территория и население данного государства, тем неопреодолимее препятствия к установлению в нем хорошего правления.

«Великим государством, — говорит Аристотель, — надо считать не такое, где население наиболее многочисленно, а наоборот — когда известный предел прейден, то государство перестает быть таковым. Десять человек слишком мало для города — республики, но сто тысяч — слишком много».

Быть гражданином в древней Греции не означало одного платежа налогов и голосования на выборах. Каждый грек принимал непосредственное участие в политической жизни своего города - респбулики. Он был и конгрессмен, и сенатор, и гласный, и судья, и присяжный заседатель, и воин, и полицейский в своем городе, неся эти обязанности поочередно или по жребию. Греция не знала подмены этого подлинного демократизма представительной формой правления в наших современных лже-демократиях, когда, так называемые, народные представители присваивают себе все права, а на своих избирателей возлагают одни обязанности.

С гордостью свободного человека древний грек говорил: «Семья и государство существуют для человека, а не человек для них. Человек — не раб, а господин этих учреждений».

Платон в своих «Законах» и проводит мысль о том, что цель законодателя заключается не в том, чтобы сделать свой город великим, но счастливым. «Но только добрые люди счастливы, а доброта и богатство несовместимы. Поэтому законы должны быть направлены к тому, чтобы не допустить обогащения одних и обнищания других».

У Платона, уже в IV до Р. Х., проявляются коммунистические тенденции и, по его мнению,, общность имущества была бы идеальной формой общественного устройства.

В своей «Республике» Платон уста-

навливает коммунистический образ жизни для солдат и правителей. Они должны получать жалованье в размере не большем, чем требуется для жизни; должны кормиться и жить в общежитиях. Им воспрещается пользование и даже прикосновение к золоту и серебру. Они не должны входить туда, где хранятся эти драгоценности, украшать ими себя, или пить что-либо из драгоценной посуды.

Аристотель, как и Платон, восстает в «Политике» против накопления богатств, но он отвергает платоновский принудительный коммунизм и настаивает на том, чтобы находящееся в личной собственности имущество служило-бы залогом общего блага.

И в данном случае задача законодателя состоит в том, чтобы «у высших натур вызвать нежелание, а для низших сделать невозможным обогащение».

Античный мир не знал не только писаных, но законов вообще. Величайшему поэту античности Гомеру слово закон совершенно неизвестно. Ликург (за 800 лет до Р.Х.). Дракон (за 621 г. до Р. Х.) и Солон (за 559 лет до Р.Х.) были первыми законодателями позднейшей уже эпохи древне-греческого мира.

Плутарх рассказывает, что Анахарсис высмеивал Солона за попытку уничтожения безчестности и жадности людей путем писаных законов, которые подобны паучьим сетям, уловляющим слабых и бедняков, но легко порываемы могущественными и богатыми.

Замечательные спартанские законы Ликурга были устными. Специальная «ретра» (постановление) воспрещало придание законам письменной формы, ибо только те из них запечатлеваются в сердцах молодежи, которые привиты хорошей дисциплиной, или «наилучшим законодателем — воспитанием».

За 800 л. до Р.Х., т. е. 2739 лет тому назад и задолго до Троцкого, — Ликургом был введен в Спарте военный коммунизм, продержавшийся свыше 500 л. и сыгравший чрезвычайно важную роль в судьбах античного мира, а затем древне-римской империи.

Военный коммунизм, доведенный до предельной крайности — с черными переделами земли, с общими столовыми, с одинаковыми жилищами и одеждой, с общностью жен, мужей и детей; с полным уничтожением всякой роскоши золотых и серебряных денег (железные монеты не соблазнительны). И в довершение — два короля, чтобы присамтривали друг за другом, меньше делали ошибок и предводительствами на войнах. А над ними эфорат из опытных испытанных стариков, носителей живых спартанских традиций.

Какой контраст между военным коммунизмом Троцкого и его прообразом — спартанством. Спартанец не только воин, но и демократ в древне-греческом смысле слова, свободный человек, связанный только традиционными обычаями своей страны, хотя и безоговорочно подчиняющийся решениям большинства.

И воспитывается в нем воинственность с единственной целью защиты свободы и независимости своей крошечной и безгранично любимой Лаконии. Ликург не желал превращения Спарты в морскую державу — торговля обогащает людей, развращает их, и поэтому она не должна иметь флота. Не должна иметь и крепостей — храбрые спартанцы всегда грудью защитят свое отечество.

Непревзойденные в боях воины — не должны преследовать побежденного и бегущего неприятеля. Ибо, по Ликургу, лучшее средство борьбы против внешней опасности это — быть бедной страной, при чем люди не должны превосходить друг друга.

«И страна в безопасности тогда, когда ее защищает людская стена, а не кирпичная». Многословие, или ораторское искусство, почиталось пороком. Сефисофа изгнали из города только потому, что он мог держать речь в течение целого дня на любую тему. «В Лконии (Спарта) живут люди немногих слов (отсюда наше слово — лаконизм), которые нуждаются только в немногих законах», — говорит Ликург.

И когда пресыщенные софистикой и философией афиняне упрекали спартанцев в отсутствии у них образованности, последние им отвечали:

— Да, это верно: мы одни из всех греков избегли заражения вашими плохими качествами.

Словесная воинственность военного коммунизма Троцкого как раз то самое, что больше всего презиралось спартанцами. Преисполненный безграничной жажды власти и славы, мечтавший о завоевании всего мира Троцкий не мог-бы удовлетвориться скромным положением спартанского короля, все отличие которого от дргуих спартанцев состояло в том, что за общим коммунальным столом он имел право на две порции обеда и вина, а в случае смерти — на пышные похороны.

И разнина между коммунизмом Ликурга и коммунизмом Троцкого та, что спартанский гуманный, демократический военный коммунизм превратил маленькую Спарту в сильное и благоустроенное государство, в то время, как большевицкий, деспотический коммунизм привел к развалу и бессилию громадной страны.

В характере Е. З. проявлялись чисто спартанские черты — молчаливость, лаконизм в частных разговорах, равнодушное отношение к богатству, нетребовательность. Он удовлетворялся самым малым. Сетователям на плохую жизнь в Америке Е. З. обычно отвечал:

— Да вы, дорогой, здесь в Америке никакого понятия не имеете о том, что означает плохая жизнь. Вот если-бы некоторое время вас покормили тухлой селедкой и советским хлебом из разной смеси, а потом вдруг и этой пищи лишились, и в городе совершенно исчезли хлеб и всякие продкуты, которых нельзя было-бы достать ни за какие деньги, — то только такое положение вещей, собственно говоря, и можно назвать плохой жизнью. Нет, говорил он, в Америке даже нищие и медисонские босяки роскошествуют сравнительно с тем, что приходится переживать людям в советском раю.

Спартанство у Е. З. было натуральным, неделанным. Богатство ему претило. Главное у человека — не забота о теле, а о душе. «Самое страшное в СССР — не материальная нужда, а душевные муки, духовный голод, сознание обреченности в какого-то бесвольного, бесправного автомата, долженствующего служить диктатруе, задавшейся целью осчастливить этого, духовно кастрированного ею, человека. Нет, мы не приближаемся, хотя бы и медленно, к золотому веку человечества, а все быстрее на крыльях безумия несемся г царство теней и смерти».

Спарта ,по Е. З., являет образец гуманного, благородного, подлинно демократического общественного устройства. Но Афины — еще более идеальная и совершенная форма свободного общежития. Это — великое хранилище античной мудрости, культуры, искусства, величайших достижений и проявление гения древнегреческого мира. Без Сократа, Платона, Аристотеля, Софокла, Эврипида, Эсхила, Демосфена, Аристофана, Фукидида, Геродота, Ликурга, Солона, Фидия и т. д. у нас не было ни культуры, ни цивилизации, и человечество, быть может, не вышло-бы еще из варварского состояния.

И если мы все еще нищи духом; если из всех наших грандиозных усилий и суеты получается только сизифова работа бессмысленного вскатывания камня на гору, вечно грозящего нам падением и гибелью, то не указывает-ли это на то, что человечество еще в древности сошло с правильного пути и безнадежно блуждает в темноте?

Определенные указания на это уже имеются в V-ом веке до Р.Х. у Перикла, Демосфена и других, жалующихся на упадочное состояние греческой культуры, на пренебрежение и забвение традиций древности, на преобладание материального над духовным у нового поколения торгашей.

Торгашество, меркантилизм, неудержимое стремление к обогащению и роскоши вытесняют культ духа, развращают благородство и добродетели античного мира. У Платона проскальзывает антидемократическая мысль о том, что только «си-

льные должны управлять». А Трасимах в «Республике» идет еще дальше его и утверждает, что «интересы сильного всегда справедливы».

Фукидид в IV-ом веке до Р.Х. квалифицирует общественное устройство в интересах «сильных», как олигархию, — то, что собственно существует в наше время в Америке и в других странах (у нас под фиговым листком демократии). В ней (олигархии), говорит Фукидид, «народу предоставлена полная доля опасностей в то время, как олигархия не только забирает себе слишком много хороших вещей, но абсолютно монополизирует их».

Очевидно, что античный грек упадочного периода не был уже похож на традиционный тип идеального человека, в котором физическая сила и храбрость непременно сочетались с личным бескорыстием и рвением к общему благу.

В здоровом теле был уже больной, упадочный дух. И начало упадка Спарты Плутарх относит ко времени завоевания Афин, когда в Спарте снова появляются запрещенные Ликургом золото, серебро и другие предметы роскоши, развратившие и разложившие духовно и телесно воинственных спартанцев.

Для Е. З. Перикл был олицетворением величайшего представителя античной демократии. И в самом деле, надо было быть человеком необычайного ума, способностей и гениальной одаренности, чтобы на протяжении 37 лет владеть и управлять умами и сердцами изысканных, требовательных, избалованных и беспокойных афинян. В этом великом человеке древности сочетались философ, оратор, правитель, полководец, поэт и мыслитель, человек благородной души, бесстрашный, споривший не только с людьми, но и с богами.

Прекрасна и возвышенна была его любовь к Аспасии — этой заемчательной и необыкновенной женщине древности. В демократической Англии не могли допустить, чтобы избранницей сердца их короля могла стать простая смертная американка. И упрямый король очутился без престола и в изгнании со своей американкой. В IV-ом веке до Р.Х. первый человек в Афинах, знаменитейший оратор древней Греции, вступил в открытое сожительство с гетерой Аспасией, женщиной легкого поведения, прибывшей из чужого города, не пользовавшейся правом афинского гражданства.

В наше время такую женщину сомнительной нравственности немедленно депортировали-бы. В Афинах-же ее встретили с распростертыми об'ятиями и преклонением. Философы, поэты, ораторы, художники, весь цвет афинского изысканного общества искали с ней знакомств и добивались ее дружбы, любви. Увы напрасно, — ибо сердце ее принадлежало Периклу, в которого она влюбилась с первого взгляда, и эта любовь была ответной.

Даже величайший философ Сократ был в числе поклонников Аспасии и писал ей об'яснения в любви в стишках. В стихотворной же форме Аспасия и ответила более счастливому в философии, чем в любви, Сократу (цитирую по переводу покойного А. Доброхотова):

«Летя над бурными морями,
Умеют птицы куст найти,
Чтоб под надежными ветвями
Себя от гибели спасти.
Но о мудрейших из мужчин
Того, увы, нельзя сказать:
Путей не знают средь пучин —
Куда итти и где им стать...

Дошедшие до нас письма Аспасии к Периклу выявляют в ней величие души античной женщины. Говоря о Пиндаре, опальном поэте, она упрекает его за то, что в его поэзии очень часто попадаются слова «богатство» и «золото». На выход своей подргуи замуж за богатство человека Аспасия смотрит, как на большое несчастье.

«Праксина, — пишет она, — кажется вышла замуж за купца, — бедная девушка! Я не люблю этих купцов. Пусть себе они обладают богатством, но не красотой. Хитрость и рассчет не дают права на обладание обоими. Они могут мечтать

—если в какой-либо цивилизованной стране потерпят это,—о почестях и отличиях. Но и всем этим пусть они пользуются только в Тире и Карфагене» (т. е. в странах несвободных с греческой точки зрения).

Мода на ношение серег очень древнего происхождения. Одна из подруг Аспасии сообщает ей, что этой модой увлекаются все молодые женщины, не исключая и богинь.

Интересно сждудение Аспасии: «Богиням это позволительно — их уши мраморные; но я не верю тому, что кто-нибудь из них может сказать нам, что женщины сотворены для того, чтобы их уши служили для показа брильянтов и эмеральдов».

Или вот резкое самоосуждение воинственности женской натуры. «Мы, женщины, — говорит Аспасия, — способные на крайние несправедливости, по своей природе крайне трусливые, — обыкновенно больше всего любим войну, пока она не проникнет в наши собственные дома. Мы восхищаемся звуками и зрелищем издалека; и нет более приятной нашему слуху музыки, чем та, которая является прелюдией к страшной агонии и смерти».

И в другом письме эта благородная женщина пишет Периклу: «Вы, мужчины, часто рассуждаете о героической смерти; о готовности храбро умереть за свое отечество. Я тоже восхищалась этими прекрасными идеями в речах ораторов и поэзии. Но, мой дорогой Перикл, — я лучше прочла-бы об его смерти (племянник Перикла) на древнем памятнике, чем на свежем»...

Духовные богатства античного мира неисчерпаемы и безграничны. Затронут этот предмет вскользь, поверхностно и неполно, поскольку требовалось выявить античность и эллинизм души нашего дорогого покойника Е. З., и показать, что истоки его мистическо-философского мировоззрения проистекали из глубин седой древности, раскрывавшей многие тайны бытия и нашедшей разрешение почти всех социальных проблем, поставленных в порядок дня во всех современных цивилизациях.

Боги древности довлеют над нами. Бунт против них не привел человечество к счастью. Современный человек более несчастен, порабощен и беспомощен, чем спартанские илоты, чем афинские рабы, чем древне-римские пролетарии.

Человек утратил душу и оскотинился. У власть имущих нет никакого человеколюбия к обездоленным и обиженным судьбой. Жестокосердые правители и озверелые люди снисходительно покачивают головами, читая заметки в газетах о самоубийствах голодных безработных.

Богачи утратили чувство меры и сожаления к бедному человеку. И кто им может помешать провести закон об истреблении неимущих? Сами-же последние, обработанные политиками и газетами, массами, да еще по директиве какого-либо диктатора, пойдут голосовать против самих себя.

Или под звуки возбуждающей, воинственной музыки, подогреваемых патриотическими речами, погонят миллионы людей на убой, умирать за лже-демократию или за диктатуру, за каких-то фальшивых богов.

И потом сказка про белого бычка сначала: победители ограбили побежденных до ниточки; побежденные, собравшись с силами, не прочь пограбить своих победителей. Россия, Англия, Франция и другие большие державы награбили слишком много земель, а поэтому нельзя-ли их пограбить; нельзя-ли «самоопределить» кого-либо?

Словом, — все тот-же страшный и бесчеловечный «дьяволов водевиль»... Спасение, — в устремлении наших взоров не вперед, в безнадежное, туманное будущее, а вспять, к древности, в глубину веков, где хранятся ключи к разрешению всех «проклятых» вопросов.

Так говорил Евгений Захарович, и над его словами нам следует хорошенько призадуматься

М. Рубежанин.

ПОПРАВКА: В первом очерке моей статьи допущена ошибка: в Питтсбурге Е. З. Моравский (Эрманд) редактировал не «Рабочую Мысль», а «Восточную Зарю» (вышло 3 номера).

М. Р—н.

ЧЕЛОВЕКУ

Природа не создала ни слуг,
ни господ, я не хочу ни давать,
ни принимать законов.

Дидро.

Над миром грохочет наш Черный Набат,
Набат Бунтопьяного Пламени.
Небесные буквы стоцветно горят
На нашем Ликующем Знамени.
Небесные буквы, сливаясь в слова,
Предвечную Правду вещают:
«В Великой Природе Свобода всегда
Единый Закон представляет».
Свободно творятся планеты, миры,
Их творчество Волей зовется:
Попробуй Природе сказать: не твори!
Она над тобой разсмеется.
Свободно рождая растений тела,
Земные различные твари,
Свободно вкруг солнца кружится земля,
Планеты пылают в пожаре.
Свободен в пространстве, в теченьи времен
Закон Познавательный Мира.
Природе не нужно «великих имен»
И идолов — тленных кумиров.
Природе не нужно духовных цепей,
Не нужно законов и власти:
Ведь каждый в Природе свободен «Ничей»
И каждый в Природе Безвластен.
Ведь каждый в природе творит изнутри
И внутренним «Вне» постигает;
В природе смешны и рабы, и цари:
Ведь власти Природа не знает.
Зачем же ты сделал себе, Человек,
Тюрьму из Свободного Мира?
Зачем опозорен Безвластный твой Век
Похабною пляской Кумиров?
Зачем ты воздвиг вкруг себя алтари
И склепы: музеи и храмы?
Взгляни вкруг себя, Человек! о взгляни!
Свобода царит над мирами.
Ты чтишь, Человек, сонм «Великих имен»,
Их призрак тебя посещает.
Взгляни: в безпредельном пространстве
времен
Планеты, миры пгибают.
И в память погибших миров и планет
Никто не воздвиг пирамиды.
Для мертвых у Логоса времени нет:
Ведь Смерть для живыхх не обида.
Ведь Смерть это также Великая Жизнь,
И в творчестве Жизнь разрушает.
Всевечное Слово и Смысл: Анархизм
Понятия эти сближает..........
Взгляни, Человек, вкруг себя! о взгляни!
Нет Бога и Богоприроды.
В Природе Свобода: все части—равны,
Равны в ней столетья и годы.
Над каждым творящим в Природе «Нигил»
В могучем венке Всеоб'ятья.
Великий разсыплется в Космосопыль,
Все атомы — равные братья
О, будь, Человек, как Природа, велик
И будь как Природа, Безвластен.
Пусть твой бунтопьяный ликующий лик
Всегда остается прекрасным.
Пусть светит он Волей Святою Своей,
Избегшей фатальных проклятий,
И пусть в Панпсихеме Безвластных Идей
Приемлет он все без из'ятий.
Приемлет туманы и тени и тьму
И звезды, и яркое солнце,
Приемлет немую больную тоску
И смех, колокольчиков звонче,
Приемлет миллионы Безвластных Людей,
Безвластники — Равные Братья
Пусть ты, Человек в Свете Новых Идей
Откроешь Вселенной об'ятья.
И станешь великим, обширным, как мир,
И встанешь, как солнце, над миром...
Долой же кумиры! отвергнем Кумир!
Мы выше Богов и Кумиров!..

Анатоль Консе.

ПИСЬМА С КУБЫ Е. З. ДОЛИНИНА (МОРАВСКОГО)

(1924 Г.).

ПИСЬМО 1.

Дорогой М. И.,

Местную газету я выслал Вам без всяких намерений. Хотелось, чтобы Вы увидели, какова местная газета. Вместе с тем там был напечатан недурной рассказ об одной русской барышне и было сообщение об Э. Голдман. Что касается писания по-английски, то за это дело я никогда еще не брался: этот язык я не знаю в таком совершенстве, чтобы мог писать статьи.

Статью Аршинова (содержания которой я не знаю, и на которую не собираюсь отвечать) напрасно Вы напечатали в журнале. Такую (политическую) полемику надо изводить со страниц журнала. Да ведь и моя статья была напечатана в газете. О статьях Карелина я не намерен Вам писать: мое мнение Вам известно. При таком отношении к литераторам эти протестанты достигнут вероятно того, что все пишущие товарищи бросят писать. Когда люди, не имеющие никакого отношения к литературной работе, начинают «командовать» литераторами, являются какими то цензорами, это ведь оскорбляет не только того человека, о ком идет речь, но и всех сотрудников. С таким положением дел мы далеко не уедем. Думаю, что Вы это прекрасно понимаете. Откровенно говоря, я тоже не уверен, что не найдется кто нибудь, кто будет требовать снятия и моих работ. В принципе это возможно. И это очень печальное явление. Эти люди не знают, очевидно, даже простого приличия.

Что касается Солоновича, то его резкость мне понятна: и эта публика ведет ведь себя совсем неприлично.

К слдеующему номеру не знаю, что приготовить. Философия — это моя область, конечно, по этим вопросам писать сейчас трудно; у меня нет никаких пособий. Давно собираюсь написать статью о противоречии в миросозерцании некоторых анархистов. Имею ввиду тех, кто в философском отношении является материалистом и атеистом, а в социологическом отношении является идеалистом. Тут ведь одно уничтожает другое. Эти противоречия нам надо как нибудь разрешить. Не знаю, почему до сих пор никто об этом не думает.

За перевод моих статей на английский язык я Вам очень благодарен, разумеется. Не думаю, право, что мои статьи удостоятся такой чести. И я почти смущен этим обстоятельством. Но раз уж Вы перевели их, было бы хорошо, если бы их удалось поместить в каких либо «буржуазных» изданиях. Анархисты и без моих статей знают, кажется, положение вещей.

Вам нравится моя статейка об «Ф.А. Ш.»? А я уверен, что против нее будут протестовать разные протестанты.

В полет я собираюсь, разумеется. Возможно, что вылечу на следующей неделе. Чем кончится это дело — сказать трудно. Но все это устраивают местные товарищи. Обойдется все дело дорого. Но другого пути нет. Если получится паспорт, запрячьте его подальше.

Ваш Е.З.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Дорогой М. И.,

Посылаю Вам две вырезки из местной газеты. Одну из них (о числе казненных в России) надо перепечатать. Как Вам нравится сравнение с Америкой?

Получил последний номер газеты. К чему это Вы печатаете Берлинские отчеты? Будучи на вашем месте, я ни за что не стал бы печатать присылаемого ими материала. Ведь у них есть свой журнал и «Голос Труда». Эти люди не знают стыда. Хотя их очень часто отчитывают товарищи, а они все продолжают присылать Вам разный хлам. Раз у них нет стыда, нечего с ними церемониться. Не стоит портить

материалами.
газету подобными
Два слова о их «Бюллетене». К чему они пишут там о положении пролетариата, о жилищном вопросе? Какое это имеет отношение к гонениям на анархистов? Какие бестолковые люди!

А произведения Ярчука? Самореклама и больше ничего. Таковы же и «записи тюремные» Мрачного.

Вы ведь ведете редакционное дело газеты и журнала. И мне хочется еще раз попросить Вас, чтобы вы очищали по возможности нашу прессу от такого рода литературы и разных берлинских отчетов, протестов и заявлений. Или, быть может, Вы надеетесь на возможность товарищеского сотрудничества с ними? Лично я в это совсем не верю. Это — невозможно.

В интересах нашего движения надо, по моему, ликвидировать с ними всякие взаимоотношения. Впрочем Вы, быть может, лучше меня знаете, какова эта публика.

Ваш ЕЗ.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

Дорогой М. И.,

У нас в самом деле творятся какие то чудеса. Филадельфия называет нью-йоркский район анархо-большевиками. С другой стороны, некий город называет меня и Вас (за печатание моих статей и примечания к одной из них) погромщиками и черносотенцами. (Видно нельзя ругать так большевиков). Вышинский ругает Вас за примечание к статье Солоновича (и он отчасти прав). Берлинцы громят москвичей и американцев. Солонович ополчился против синдикалистов и набатовцев. Волин воюет со мною. Я обрушился на нью иоркскую газетку.

Вот так каша! Но я не придаю этому никакого значения. Пусть эта каша продолжает вариться, если это так нравится разным болтунам и неудачникам, а мы должны работать в своем направлении. Мне кажется, что все это об'ясняется тем, что люди эти стремятся к власти. Каждому из этих крикунов хочется властвовать. А мы еще говорим, что американцы не признают власти. И все они приходят в подлинное беснование потому, что мы не признаем их власти.

По поводу «антисемитизма» я должен сказать следующее: сознательные товарищи не найдут его в моих статьях. Они поймут меня как следует. Если же некоторые невежественные евреи захотят вкладывать в мои слова другое содержание, они могут делать это сколько угодно. И весь этот гевалт поднимает эта невежественная публика. Но с их гевалтом я считаться никогда не буду. Хотя я и не являюсь их противником, но я не могу мыслить так,как им хотелось бы. И не могу я петь им гимны, чего они хотят, повидимому. Какая жалкая логика у них! Не защищаешь их — значит антисемит.

Впрочем, ну их к черту, если они не хотят быть товарищами, а хотят быть какими то евреями. В их любви я не нуждаюсь. Если они не хотят работать с нами, пусть уходят в свою еврейскую федерацию и не мешают нам своим гевалтом. Мне не хотелось бы так резко выражаться, но ведь эта публика сама вызывает на это.

Если, в крайнем случае, обрушатся эти болваны и на Вас, предложите им оправдать их сакраментальность в печати. Тогда мы поговорим с ними. А со всяким шипением и гевалтом не следует считаться.

Статья Аршинова мне нравится. Написана она очень корректно. Сейчас и он смотрит иначе на некоторые вопросы махновщины. Он, видимо, сообразил, что писать такие ответы, какие пишет Волин, совсем не выгодное дело. И он прав, конечно.

Ваш Е.Д.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ

Дорогой М. И.,

Совершенно согласен с Вами, что Волин любит властвовать. Ему хочется быть царем в нашем движении. И я очень рад, конечно, что его царствованию в Америке пришел конец. Думаю, что через некоторое время и все остальные его поклонники разочаруются скоро в своем царе.

Резкий поворот по отношению к этой публике можете и не делать, если у Вас таковы обстоятельства, но во всяком случае давайте понять этой публике, что она Вам совершенно не нужна. И если у них есть еще чувства чести и стыда, они сами должны оставить Вас в покое.

Защищать москвичей я не намерен, разумеется. Мое отношение к большевикам Вам хорошо известно. Меня возмущает только ужасная некорректность берлинцев. Если бы они были порядочными людьми и не выходили в своих протестах из рамок приличия, я ничего не говорил бы о них.

И в ответ на их неприличие я написал злой фельетон о той газете, о которой они умолчали, по моему, совершенно сознательно.

Вполне понятно, что мои статьи вызывают много толков и шума. Я не придерживаюсь шаблона, а совершенно свободно высказываю свои мысли. И знаю, что многие люди найдут в моих статьях и национализм, и мистику, и даже «антисемитизм», но так будут думать только те люди, которые думают, что анархизм — это какая то политическая доктрина. Убил капиталистов и правителей — и осуществится анархизм. Таких людей, говоря между нами, я не считаю анархистами. Анархизм для меня нечто другое. Анархизм должен вытекать не из политики, а из глубинных (онтологических) основ Бытия.

Если же, в крайнем случае, анархисты оказались бы моими цензорами и захотели бы, чтобы я писал так, как это им нравится, я ни в каком случае не примирился бы с подобным положением вещей. Я лучше отказался бы, в этом случае, от всякого писания вообще в наших изданиях. Если есть несогласные со мною, пусть они пишут против меня. Но всякая цензура — вещь для меня совсем невозможная.

О статьях Карелина я не знаю, что сказать сейчас. То, что он пишет о Ленине, плохо, конечно. Но не лучше этого положения и то, что товарищи оказались цензорами по отношению к нему и требуют сжигания его рукописей. Если это явление станет нормальным, то я уверен, что они оттолкнут скоро от себя и всех остальных товарищей под разными предлогами. Словом, я воздерживаюсь пока от всяких суждений по этому вопросу .

Название для газеты я предлагал бы следующее: Новая Земля. Это очень скромное название, но соответствующее нашим стремлениям.

Ваш ЕД.

ПИСЬМО ПЯТОЕ

Дорогой М. И.,

Прочитал журнал. Несколько досадно только, что нет статьи Автономова. Мне лично его статьи очень нравятся. Статейка Вия слабоватая. Думаю, что никому она ничего не докажет. Резкие выступления — это пустые слова. Мрачный все еще никак не может освободиться от большевицкого жаргона, которого я совсем не переношу. Он, видимо, любит большевицкий язык. Советую Вам во всяком случае переводить этот жаргон на человеческий язык и не допускать в печати таких слов, как «политзаключенные», «Ленинград», «профсоюзы» и тому подобных. Раз у нас русские издания, мы должны по-русски и писать в них. В статье Вия есть еще несколько вульгарных выражений. Этого тоже надо избегать.

Вот это и все мои замечания. О своих делах писал Вам вчера.

Ваш Е.Д.

ПИСЬМО ШЕСТОЕ

Дорогой М. И.,

Получил три номера аргентинской газеты. Должен Вам сказать, что такой никудышной газеты у анархистов еще не было. Кроме перепечаток в ней кажется нет ничего. И проскальзывают иногда такие вещи, которые совсем никуда не годятся. Все письма секретаря кажется печатаются в почтовом ящике. Собирался несколько раз написать что либо для этой газеты, но когда возьмешь ее в руки, так и пропадает всякая охота писать.

Кстати, в номере 212 есть статья

Горелика о музее Кропоткина. Должен вам сказать, что он совсем не в курсе дела. С самого начала существования комитета я был его членом. Никогда там я не видел Беркмана. Никогда Беркман не ремонтировал дом. В приведении в порядок этого дома (музея) я принимал деятельное участие. Вместе с другим товарищем я занимался там проводкой электричества и т. д. Не знаю, право, откуда он вытащил Беркмана, который не имел абсолютно никакого отношения к Комитету. Я знал всех членов комитета, но между ними я никогда не видел Беркмана, и не было его и в Американской секции. Секретарем ее был (и есть вероятно) Хархардин.

Что касается Веры Николаевной Фигнер, то должен сказать Вам, что она оказывает очень небольшую услугу комитету. Иногда только тормозит работу. Как человек, она не настолько уж благородная, как думают о ней незнающие ее лица.

У нея имеется какая то страшная нетерпимость к другим. Люди, незнающие ее очаровываются ею; когда же узнают, тогда разочаровываются. Так разочаровался я некогда и в Спиридоновой, хотя ничего дурного и не могу сказать о ней. Она просто мало знающий человек, в чем она когда то и созналась мне в Петербурге.

Ваш Е.Д.

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ

Ваше письмо и журнал я получил сегодня. Если будет возможность напишу кое что о статье Сорокина. Это ведь тот самый Сорокин, которому Волин пел в Петрограде самые настоящие гимны, называя его чуть ли не самым выдающимся анархистом.

Статейку И. Д. я читал, конечно, но никакого впечатления она на меня не произвела. Такие статейки пишут обычно люди малограмотные. А что касается того, что автор ее считает себя умным, то и тут нет ничего удивительного. Чем некультурнее человек, тем более высокого мнения он о себе. Не стану придавать значения таким статейкам. Ведь с такими статейками все равно никто не будет считаться. Можно изредка их и печатать, если авторы плачут, нигде их произведения не печатаются.

Вы хорошо сделали, если предложили ему выступить против меня в печати. В случае чего нибудь Вы сможете товарищам указать на это. Мне совсем не хочется, чтобы и Вы из за меня получали разные упреки. А что касается меня, то я всегда буду принимать всякие вызовы. Я сумею разговаривать с каждым человеком. А что касается таких писателей, то с ними я даже и не считаюсь серьезно.

Если эти шипящие товарищи грозят уходом из организаций, нечего их удерживать по моему. В таких товарищах мы не очень нуждаемся. Все эти гении пусть создадут себе особую корпорацию и делают что хотят.

Вообще, ко всем этим вещам я отношусь совсем безразлично. Такие люди были у нас и будут впрочем еще долго. Советую и Вам не портить себе нервы. Мало ли кто еще вообразит себя гением? Нельзя же считаться с этим серьезно.

Вот и все кажется. Как было бы хорошо, если бы мне удалось поговорить с Вами живым языком.

Ваш Е.Д.

Когда я писал свою статью, я был уверен, что Ваш наборщик «исправит» мое слово «безмысленность». Так и есть: вместо слова безмысленность имеется слово «безсмысленность». От моего имени поблагодарите его за его желание исправлять ошибки, но скажите ему, что иногда и «ошибки» надо печатать. Я шучу, конечно. Это не так уже важно.

ПИСЬМО ВОСЬМОЕ

Дорогой М. И.,

Все наши драки я об'ясняю заграницей. Согласитесь с тем, что среди нашей публики есть много каких-то праздных людей, которые только и занимаются разными выдумками. Не признают их выдумок — сейчас драка. Все хотят быть царями (а Вы еще говорите, что анархи-

сты не признают власти). Это источник всех драк.

В России этого не было. Там было много групп, организаций и течений, но драк никогда не было. Все работали самостоятельно, никто никого не ругал, никто ни с кем не дрался. Хорошо было бы, если бы и за-границей было то же? Но вряд ли это возможно. Эмигранты всегда остаются эмигрантами. Все стремятся к власти и управлению.

Ваш «джаб» чертовский, разумеется. Я понимаю Вас и сочувствую Вам. Но поймите, дорогой М. И., что если его предоставить разным политикам и претендентам на анархический престол, наше движение от этого погибнет. И в нашем движении будет какое то вавилонское столпотворение. Ни в коем случае нельзя, по моему, поручать редактирование наших изданий каким то посторонним людям. Неприятностей много, конечно. Но с ними надо пока мириться. Путь анархиста — путь какой то жертвенный.

Что касается меня, то я, говоря откровенно, считаюсь сейчас только с Вами. Знаю еще по переписке Вышинского. И я лично протестовал бы против Вашего ухода от Вашего «джаба». Соответствующего заместителя я еще не знаю. А с чем считаюсь я, с тем считаются и русские товарищи. Хотя и неудобно говорить о себе, но должен Вам сказать, что кроме меня, они не признают за-границей никого (из русских, разумеется). Вы это видите и в статье Солоновича: он просто не желает разговаривать с напими берлинскими философами и учеными. В своем письме ко мне они называют их «дурашливыми немецкими эмигрантами», с которыми они не будут ни считаться, ни разговаривать.

Хорошо делаете, что печатаете Карелина. Как только уладятся все недоразумения, постараются привлечь к сотрудничеству и других лиц, некоторых московских профессоров. Будет писать и Солонович. Я думаю, что их писания будут более интересными, нежели писания берлинцев.

Дня два-три тому назад послал для журнала стыдно. «Строители нового Вавилона». Там Вы найдете всего по немногу: и критики, и философии, и социальных вопросов. Статья популярная.

О статейке Л. вряд ли стоит писать; она такая несерьезная и безобидная. Синтез он восхваляет ведь в ней.

Знаю, что Вы ждете меня, но когда я буду — это одному Богу известно. Вы это устраивают местные товарищи, но устроить это дело очень трудно очевидно.

На днях они должны были зайти ко мне с необходимым мне человеком, но почему то не пришли. Завтра буду у них и узнаю, в чем дело. Если уж им не удастся ничего сделать, то мне и думать об этом нечего. Мне так здесь надоело, что Вы и представить себе не можете. В случае полной неудачи лучше поехал бы в Европу, но здесь не остался бы.

Верно ли то, что американские граждане и гражданки могут выписывать своих жен и мужей? Не могли ли бы Вы найти в таком случае какую нибудь невесту?..!

Ваш Е. Д.

Кто не питает отвращение к тому самолюбию, которое заставляет его ставить себя выше всего в мире, тот вполне ослеплен, потому что ничто так не противоречит справедливости и истине, как такое мнение о себе. Это ложно само в себе, потому что нельзя быть выше всего в мире, и, кроме того, и несправедливо, так как все требуют себе того же. Нет несчастья хуже того, когда человек начинает бояться истины, чтобы она не показала ему, как он дурен.

Паскаль.

Когда бы люди захотели, вместо того, чтобы спасать мир, спасать себя; вместо того, чтобы освобождать человечество, себя освобождать, как много бы они сделали для спасения мира и для освобождения человечества.

Герцен.

ОТЧЕТ О ДЕЛЕ ТРОЦКИСТОВ В ИСПАНИИ

За последнее время заграницей было много разговоров о том, что НКТ и ИФА, ведущие пролетарские организации Испании, ничего или почти ничего не делали в защиту преследуемых членов ПОУМ Партидо Обреро де Унификсион Марксиста (Рабочая Партия Марксистского Об'единения). Намекалось даже, что НКТ и ИФА из-за своей бездеятельности и молчания оказываются сообщниками тех, кто подготовляет этот позорный процесс. Анархические организации Испании могли бы немедленно опровергнуть подобные инсинуации, но они предпочли работать не подымая шума над восстановлением правосудия по отношению к членам ПОУМ, считая такой образ действия наилучшим способом делать антифашистское дело. Теперь, после того, как процесс членов ПОУМ закончился, мы находим желательным дать нашим читателям все сведения о шагах, предпринятых нашими организациями, дабы обеспечить и гарантировать отправление правосудия в интересующем нас случае. Ниже мы приводим текст некоторых документов, достаточно красноречивых, чтобы опровергнуть все подвохи наших недоброжелателей.

Информируя общественное мнение о мероприятиях анархического движения на защиту ПОУМ, мы находим нужным поставить в известность всех, что Рабочая Партия Марксистского Об'единения с момента своего основания вела борьбу с анархическими организациями, более или менее интенсивно; с другой стороны, лидеры ее несколько раз пытались произвести раскол в рядах НКТ и наконец нам известны статьи, опубликованные в английской печати, одним из руководителей данной партии Андрадэ, в которых он, без видимого основания клеветал и оскорблял испанский анархизм.

Принимая во внимание, что ПОУМ является марксистской партией, никогда не упускавшей случая принести вред анархизму, наши организации могли бы ничего не предпринимать в защиту данной группировки. Однако, мы поступили иначе. Как только мы установили всю несправедливость травли коммунистами III Интернационала названной партии, мы стали на защиту правосудия. Несмотря на многократные попытки коммунистов организовать показательный процесс руководителей ПОУМ, несмотря на все доводы, приводимые первыми в доказательство виновности последних, НКТ и ИФА не изменили своей линии поведения и всегда требовали документальных доказательств обвинений и настояли на устройстве гласного суда. Вся без исключения анархическая печать страны заявляла, что пока суд не вынес своего приговора нельзя прозывать шпионом или предателем кого бы то ни было из членов ПОУМ.

Когда Компартия Испании и ПСУК Партидо Сосиалиста Унификадо де Каталунья (Об'единенная Социалистическая Партия Каталонии, входящая в Коминтерн) начали с помощью своих агентов в полицейских органах фабриковать процесс ПОУМ, Национальный Комитет НКТ обратился с циркулярным письмом к правительству и Национальным (Центральным) Комитетам всех антифашистских группировок, где было изложено мнение анархического движения относительно этого процесса (См. документ ном. 1). И сейчас мы остаемся на той же точке зрения.

Как только было сформулировано предварительное обвинение и подсудимые были переданы в распоряжение судебного следователя Национальный Комитет НКТ поручил одному из своих адвокатов т. Бенито Павон защиту членов ПОУМ. Павон энергично взялся за дело и собрал первые материалы в защиту своих клиентов, но как только враги ПОУМ узнали кому поручена защита Пумистов, то защитник стал получать безымянные угрожающие письма. Чем дальше шло время, тем больше сыпалось на адвоката угрожающих писем. Принимая во внимание, что в этот

период политическое положение в стране было весьма запутанным, в результате событий имевших место несколько недель раньше, а также под влиянием угроз Павон принужден был спасаться заграницу и отказаться от защиты ПОУМ. В жалобе, посланной им из Парижа на имя Министра-Президента, Павон об'яснил причины, побудившие его покинуть Испанию.

В начале 1938года, когда ПОУМ подвергалась особенно сильным преследованиям, Полуостровной (Иберийский) Комитет ИФА выступил политическим поручителем за некоторых членов ПОУМ. Мы не приводим имен, но в случае надобности мы можем представить неоспоримые доказательства. Когда было секвестровано полицией Управление Политического Красного Креста ПОУМ, то вновь тот же комитет хлопотал за снятие секвестра перед Министром Внутренних Дел.

Летом, когда предполагалось, что будет слушаться дело руководителей ПОУМ и не находилось адвоката согласившегося бы их защищать, вновь Полуостровной (Иберийский) Комитет пришел на помощь подсудимым. Члены Комитета т.т. Сантильан и Эррера получили поручение похлопотать перед другими антифашистскими организациями с целью найти защитника для членов ПОУМ. Некоторые партии дали обещание предоставить кого-либо из адвокатов, членов партии, но ни один из обещанных адвокатов не согласился взять на себя защиту подсудимых. В конце концов защита была поручена адвокату Юридической Секции Национального Комитета НКТ, Ревилья, который весьма успешно взялся за порученное ему дело. Во время процесса он произнес сильную защитительную речь, краткое содержание которой мы приводим ниже (См. документ ном. 2). До процесса наши делегаты настаивали на предостановлении подсудимым всех необходимых гарантий в нелицеприятности суда.

Иберийский Комитет ИФА установил постоянное дежурство своих членов в зале суда с целью иметь достоверные сведения о ходе судопроизводства. Ветеран анархического движения т. Эмма Гольдман присутствовала почти на всех заседаниях суда. Руководители НКТ и ИФА, вызванные на суд в качестве свидетелей высказывались в пользу подсудимых. (См. документ ном. 3). Во время процесса, когда один из свидетелей — Вирхилио Льянос — политический комиссар Восточного фронта, выступил с заявлениями, отягощающими виновность членов ПОУМ, сказав, что воинские части, руководимые членами этой организацией покинули фронт и направились в Барселону и сослался в подтверждение своих слов на старого активиста анархического движения, ныне подполковника, Гарсия Виванкос, то последний, как только был осведомлен о словах, вложенных в его уста Вирхилио Льянос, написал открытое письмо с опровержением, которое не было пропущено к печати. (См. документ ном. 4).

В промежуток между окончанием слушания сторон и вынесением приговора Трибуналом, коммунистическая печать начала клеветническую кампанию против ПОУМ, допуская даже фальсификацию свидетельских показаний наших товарищей и требуя осуждения подсудимых. В противовес этой кампании анархическая печать опубликовала свидетельские показания, благоприятные подсудимым. (См. документ ном. 5).

Сверх того, та же печать поместила ряд статей в защиту подсудимых, в которых опровергались поклепы, возводимые на ПОУМ ее врагами.

Для полноты данной информации следует прибавить, что не только НКТ и ИФА, но и Анархическая молодежь выступала на помощь подсудимым и не раз последней приходилось вступать в столкновения с неприятелями ПОУМ, когда они желали увлечь юношеские организации Испании на путь травли Рабочей Партии Марксистского Об'единения.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Президенту Республики, Президенту Кортесов (Парламента), Совету Министров,

Министрам Внутренних дел и Юстиции, всем Национальным (Центральным) Комитетам Партий и Организаций Антифашистского Фронта Борьбы.

Характерной чертой Национальной Конефедерации Труда, равно как и анархистов Испании, является их беспредельная любовь справедливости и донкихотство, заставлявшее их ломать копья в защиту всех гонимых и слабых. Вот почему мы считаем нашей моральной обязанностью довести до сведения властей и группировок, единым фронтом ведущих борьбу против фашизма, настоящий документ полагая, что он найдет нужный прием и отклик и будут предприняты меры к пресечению указываемых злоупотреблений.

В политической жизни республиканской Испании имело место событие, которое мы не можем обойти молчанием. Прежде чем поднять этот вопрос, касающийся проблемы общественного порядка и права, мы тщательно обдумали его и с полным сознанием ответственности ставим его перед компетентными органами.

Уже несколько месяцев как в Испании, а с декабря 1936 года в Каталонии, ведется систематическое преследование одного антифашистского об'единения, которое принимало участие в баррикадных боях в дни июля, участвовало в военных действиях, вызванных сопротивлением мятежников. Данная группировка, Рабочая Партия Марксистского Об'единеня, (ПОУМ), насчитывает в своих рядах тех из марксистов, что находятся в оппозиции с Советским правительством и политикой Сталина в Коммунистическом Интернационале. Но это нас мало интересует. Мы совершенно не вмешиваемся во внутренние распри между фракциями, которые находят кровавое разрешение в СССР.

Нас интересует и заставило написать настоящий документ другое, это — путь, по которому пошло правительство в своей непомерной угодливости и потери всякой независимости, а также полной апатии всех других антифашистских партий и организаций пред лицом факта вытеснения из политической жизни страны более или менее мощной партии, завоевавшей известное влияние в массах.

Следует заявить, что превосходно организованная и дисциплинированная, сохранившая за собой мощные аффективы НКТ, не боится, что завтра подобный же процесс постепенного ее вытеснения может коснуться ее. Стоя выше этой полу-фракционной борьбы мы обращаем внимание только на одну конкретную сторону вопроса и защищаем ту точку зрения, которая нам кажется наиболее правильной и справедливой. Мы не вдаемся в споры, имеются ли в рядах ПОУМ агенты—провокаторы или нет, фашистские шпионы и вражеские агенты. Возможно, что имеются, как имеются они и в остальных партиях и организациях. Нам бы нечего было сказать, если бы было возбуждено судебное преследование против определенных лиц с соблюдением юридических норм. Но травля ПОУМ, начатая в Каталонии в декабре месяце и продолжающаяся систематически не началась процессом против некоторых ее членов, оказавшихся агентами фашизма, а что подобный процесс может оказаться лишь предлогом для обоснования преследований, и ход событий заставляет нас этого опасаться, после того как партия не в состоянии принимать участия в общественной антифашистской жизни, удалена из Генералитета (автономного Правительства Каталонии, из Совета Обороны, Комиссариата вплоть до Управления Санчастью). Подобное выживание началось не с мая этого года, а с декабря 1936 года. С момента же майских столкновений преследования приняли определенную форму и стали проводиться открыто. Преследования не отдельных лиц, а определенной партии. Преследования отдельных ее членов повелись только теперь, дабы придать травле форму будто бы юридическую и «пришить» им преступный замысел.

Сверх того, как в Каталонии, так и в остальной части Испании, не все партии и организации находят необходимым вести преследования ПОУМ и настаивают на

роспуске этой партии. Добивается последнего только одна партия, но идущая к своей цели с ее характеризирующими упорством и настойчивостью. Остальные являются лишь безучастными зрителями неравной и низменной борьбы между слабой партией и партией сильной, особенно пользующейся моральным кредитом в республиканской Испании благодаря поддержке СССР нашего дела. Такой способ действия нам кажется вступлением на скользкий и опасный путь. Не для нас, с кем трудно добиться успеха из-за нашей политической позиции и организационной структуры, а для тех партий меньшинства, которые ежедневно теряют вес и влияние в общественной жизни страны. К тому же данные способы борьбы не были известны раньше в Испании, где несмотря на обострение междупартийной склоки, она не переходила известных моральных норм.

Мелкие политические партии, выразительницы оттенков общественного мнения, показатели духовного богатства нашей земли, являются порукой тому, что здесь невозможно установление диктатуры правых или левых, имеют полнейшее право на существование. При случае обстоятельства меняются и малюсенькая партийка, имевшая только один орган и одного молчаливого депутата, вдруг преобретала первенствующее влияние и увеличивалась количественно. Такие факты наблюдались неоднократно в нашей политической истории. Примером как раз и могут служить республиканские партии, вчера еще сведенные почти на нет, а сегодня играющие первые роли в политике страны.

Жестокий закон, что щука проглатывает пискаря, всегда был противен рыцарскому духу испанцев. Всегда старались, более или менее, обеспечить жизнь пискарю. Мы полагаем, что путь указанный уничтожением ПОУМ чреват опасностями и для других малочисленных партий. Хотя бы попытка создания мощной «Единой Партии Пролетариата» и должна была бы навести на размышления будущих пискарей и взяться за защиту норм политического сожительства немного больше благоприятных по отношению к слабым.

По нашему мнению декрет Министерства Юстиции, создающий специальные трибуналы с судопроизводством за закрытыми дверями, напоминающий недоброй памяти Трибуналы Крови, является лишь уступкой Коммунистической Партии Испании и СССР, целью, чтобы последняя могла добиться уничтожения партии, именующейся Марксистским Об'единением. Либеральное общественное мнение Испании не может дать согласия на подобный шаг.

Пусть в СССР разрешают проблемы как могут и как там диктуют обстоятельства, но невозможно перенести на нашу почву ту же самую борьбу, огнем и мечом, преследуя на мировом поприще в печати, перед судом здесь, используя в качестве оружия, моральный шантаж весьма низкой пробы партию или фракцию оппозиции. Имеются в ПОУМ уклоняющиеся от выполнения своих обязанностей, агенты Франко, провокаторы и шпионы? Так пусть они будут задержаны и судимы, при условии, что это не является только подтасовкой, и расстреляны. Но только агенты Франко, шпионы и провокаторы, а не члены партии, которую хотят уничтожить, поставив сначала вне закона, а затем расправиться с ее руководителями, с людьми имеюшими за собой долгую историю борьбы и своею деятельностью завоевавшими влияние на массы. Нас нельзя убедить, кто Нин, Андралэ Горкин, Давид Рей и др. шпионы, агенты фашизма, предатели и т. д. Недостаточно сказать, что это так, необходимо еще дать доказательства истинности подобных утверждений, равно как, если бы голословно было сказано, что Гордон Ордас или Алборнос, а также и генерал Мияха — агенты фашизма. Необходимо, чтобы доказательства виновности преследуемых разбирались гласным судом, а не при закрытых дверях в весьма подозрительной форме копирующих методы других стран.

Вышеуказанные руководители ПОУМ, находящиеся в заключении или приказ о

задержании коих дан всем полицейским силам страны, — старые активисты и революционеры. Вполне возможно, что они могли продаться и перестать быть революционерами, но невозможно их стереть с лица земли лишь из-за того, что в нашем распоряжении имеется репрессивный и юридический аппарат.

В виду всего вышеизложенного и того, чего мы не находим нужным приводить в настоящем документе, мы считаем нашей обязанностью довести его до сведения президентов Республики и Парламента (Кортесов), Министра-Президента, Министров Юстиции и Внутренних дел и до Национальных (Центральных) Комитетов всех партий и организаций. Мы обращаем внимание всех и призываем к великодушию испанцев и, одновременно, предупреждаем слабых, что завтра они могут быть поглощенными, если найдутся элементы, которые найдут, что у них достаточно сил на это. Нет! Невозможно допустить, чтобы мы вступили на эту наклонную плоскость. И тому, кто вступит на данный путь грозит опасность разбиться вдребезги. Необходимо не терять хладнокровия и такта. Именно это то хладнокровие и такт доказывают, кто является достаточно сильным, чтобы позволить себе роскошь уважать и относиться терпимо к своим противникам и рассматривать расхождения между партиями и существование различных точек зрения, а также взаимное между ними сожительство, как духовное богатство Испании, залогом к тому, что в будущем, победив врага, наша страна выработает себе свои чисто иберийские формы социального строя, в коем невозможно будет опасаться какой либо диктатуры, навязанной ли силой, или путем поглощения сильных слабыми.

Как заключение ко всему вышесказанному просим во имя правосудия, во имя уважения к конституционным нормам и правам каждого отдельного гражданина, защищаемым и составляющим основу демократического строя, прекращения преследований против ПОУМ. Также настаиваем на предании руководителей этой партии суду с соблюдением всех правовых гарантий, с целью доказать испанскому общественному мнению и революционерам, что обвинения, на них возводимые, справедливы Ведь эти обвинения для борцов, вышедших из народа и боровшихся с фашизмом с оружием в руках, в тысячу раз хуже, чем смертный приговор, так как они их обесчещивают. Все люди с либеральными мнениями, обладающие чувством справедливости, обязаны поддержать наше требование. Иначе за что же борются антифашисты Испании, республиканские силы ее, если наш народ хотят погрузить в ночь притеснений, террором заставляя молчать тех, у кого не умерла совесть, дабы установить условия для существования диктатуры.

Валенсия 28 июня 1937 года.

За Национальный Комитет Н.К.Т.

Секретарь (подпись)

(Печать) **Мариано Р. Васкэс.**

(Окончание следует)

ПЕРЕКАТИ ПОЛЕ

Поле заросло,
Душа пышет горем:
потерял весло
я от лодки жизни
и стал сам не свой.
Вдали от отчизны
стал совсем немой.
Пою точно иволга:
в песнях слышна грусть:
потому надолго
я утратил Русь.
Перекати полем
поле заросло
я звучит паролем
«В 2-х верстах село».

Алексей Николаев.

Всякий неработающий человек негодяй. И потому хорошо всякому человеку уметь работать. Это нужно бедному для того, чтобы кормиться, а богатому для того, чтобы не чувствовать себя всегда виноватым. Против всего можно устоять, но не против доброты.

Руссо.

КО ВСЕ АНАРХИЧЕСКИМ ГРУППАМ И ОТДЕЛЬНЫМ ТОВАРИЩАМ

В ноябре этого года исполняется 20 лет со времени палмеровских погромов на русских радикалов и анархистов. Встревоженные сильным ростом русских анархических организаций, американские власти решили в корне уничтожить молодое анархическое движение. Но разгром организаций и депортация передовых работников в Россию не достигли цели, не приостановили нашего движения. Загнанные в подполье мы продолжали свою работу: организовывали группы, издавали литературу, т. е. журналы, газеты и книги, распространяя все время анархические идеи среди русских рабочих.

По случаю этого события мы решили выпустить в конце этого года в увеличенном количестве страниц специальный номер журнала «Пробуждение», посвященный 20-летнему периоду русского анархического движения в Америке — от палмеровских погромов до настоящего времени. Мы обращаемся, поэтому, ко всем товарищам с просьбой присылать нам материал (рассказы, воспоминания и вообще статьи о нашем движении) и денежные средства для издания этого специального номера «Пробуждения».

С товарищеским приветом

Редакционная Коллегия.

ЛУМПЕН ПРОЛЕТАРИЙ

Я один из парий:
лумпен пролетарий.
Где мой кров,
сладость снов?
Под кустом,
под мостом.

Ну, а дом для меня?
городская тюрьма.
В яме рос,
наг и бос.
Нет что есть,
негде сесть..

Хоть бы лечь в лазарет,
Но как лечь без монет?
Нет жены,
нет семьи
к сути всей
нет друзей.

Хоть живи, не живи,
то есть значит умри.
Часто: «стой,
паспорт твой?»
О мой рок:
вновь острог.

Миллион палачей
кричат: «бей, его бей!»
«Ать сюда,...
Ать туда»...
« Не спущу,
отомщу»!

Грозной я рати оплот
я, душой Санкюлот!!
Но зачем меня всем
и кусать и терзать?

Делать зло целью всех,
я ведь тож человек!
Презирать, унижать,
гнуть в дугу потому,

что один я из парий
лумпен пролетарий.
Только всего:
кто кого:
иль мы вас?
иль вы нас?

Знайте: ратью оплота
Смелый Санкюлот.

Алексей Николаев.

СМЕРТЬ РУССКОГО ЖУРНАЛИСТА И. ОКУНЦОВА

НЬЮ-ЙОРК. — В четверг вечером скончался журналист и писатель Иван Кузьмич Окунцов, 65 лет. И. К. перед смертью разбил паралич: у него отнялась правая сторона тела, и он потерял способность речи. Весь последний день и до самого конца, больной находился в полусознательном состоянии.

Последние его слова были: «Темно... падаю... пятое измерение....» Он сказал их дежурившей у его постели жене.

Так как больной в последние годы находился на релифе и не оставил никаких средств, то хоронили его на общественный счет.

Иван Кузьмич Окунцов — сын забайкальского казака. Родился 8 октября 1874 года в городе Тонтае, в Забайкальи, учился в г. Нерчинске, в Благовещенской Духовной Семинарии и в Казанской Духовной Академии, по окончании которой получил звание Кандидата Богословия.

Был инспектором городского Училища в Благовещенске, инспектором Народных училищ в Амурской области. «За политическую и религиозную неблагонадежность» был переведен в г. Верхнеудинск, Забайкальской области.

Был директором женской гимназии и открыл реальное училище в гор. Благовещенске. Хлопотал об открытии университета в Восточной Сибири, на что московский купец Высоцкий жертвовал два миллиона рублей. Но в 1906 году в феврале за революционную деятельность и редактирование ежедневной газеты «Верхнеудинский Листок» был приговорен военно-полевым судом ген. фон Ренненкампфа к смертной казни. По просьбе Российского Литературного Союза и по ходатайству литератора В. Г. Короленко и поэта Батюшкова казнь была заменена ему Акатуевской каторгой.

1-го августа 1906 года И. К. бежал с каторги в Японию, а оттуда в Соединенные Штаты. Здесь он основал газету «Русское Слово», которую редактировал до 1917 года, когда он вместе с М. Е. Вейнбаумом и И. Л. Верующим (Дурмашкиным) основал «Русский Голос».

Потом он перешел в анархическую газету «Рабочий и Крестьянин», после разгрома которой агентами Палмера бежал в Россию. В Москве И. К. стал редактором газеты «Трудовой путь», вскоре попал в тюрьму, но бежал оттуда на родину в Забайкалье, где посетил отца Кузьму Митрофановича и родню.

В 1922 году И. К. уехал из Сибири в Китай, а оттуда в Америку. Во время издания «Рассвета» в Нью Иорке И. К. состоял постоянным сотрудником газеты. Сотрудничал и во многих других русско-американских изданиях. И. К. был необычайно плодовит и из всего им написанного можно было бы составить десятки томов книг.

Вся многочисленная родня И. К. братья, сестры, их сыновья и дочери живут в России. Среди них имеются профессора, инженеры, адвокаты, доктора, педагоги, журналисты, агрономы и землеробы.

Смерть прервала литературную деятельность Ивана Кузьмича, но он закончил и приготовил к печати следующие труды: «Образование и культура в сов. России», «Русская эмиграция в Северной и Южной Америке», „Царь-бродяга» (сценарий).

И. К. был женат дважды. Его первой женэй была Елена Михайловна Посвольская, от брака с которой имеется дочь Лидия. В 1930 году И. К. будучи во Флориде женился на Надежде Августиновне Бирской. У них сын Сократ восьми лет.

Семья И. К. осталась теперь без всяких средств к существованию. Она приветствовала бы образование Фонда издания его неопубликованных трудов.

МЫСЛИ ВЕЛИКИХ ЛЮДЕЙ

Люди в тысячу раз больше хлопочут о том, чтобы прибавить себе богатства, нежели о том, чтобы прибавить себе разума. А кажется, всякий может понимать, что для счастья человека гораздо важнее то, что есть в нем, чем то, что есть у него.

Шопенгауэр.

Хорошо, когда люди занимаются учением для своей души, для того, чтобы быть умнее и добрее. Такое учение полезно для них. Когда же люди учатся ради славы людской, для того, чтобы казаться учеными, ученость не только безполезна, но вредна, делает людей и менее умными и менее добрыми, чем бы они были, если бы и вовсе не учились.

Китайская Мудрость.

Самые большие расходы делаются для того, чтобы быть похожими на других. Ни для ума, ни для сердца мы не тратим так много.

Эмерсон.

Желания наши не будут добрыми, пока мы не исправим привычки ума. Привычки ума определяют желание. Привычки же ума образуются общением с выводами мудрости лучших людей мира. Интересуйся не количеством, а качеством твоих почитателей, бывает неприятно не нравиться добрым людям, но не нравиться дурным всегда хорошо.

Сенека.

Говорят: Бог создал человека по образу своему, надо бы скорее сказать, что человек по своему образу создал Бога.

Лихтенберг.

Одна из главных причин бедствий людей — это ложное представление о том, что одни люди могут насилием улучшать, устраивать жизнь других людей. Насилие производит только подобие справедливости, но удаляет людей от возможности жить справедливо без насилия. Насилие же по существу своему, неизбежно ведет к убийству.

Л. Толстой.

Если ты хочешь достигнуть познания всеоб'емлющего я, то ты должен прежде всего узнать самого себя. Для того, чтобы познать самого себя, ты должен пожертвовать своим я всемирному я.

Браминская Мудрость.

ОТЧЕТ ПО ИЗДАНИЮ «ПРОБУЖДЕНИЯ» ОТ 1-го ЯНВАРЯ ПО 1-е ИЮНЯ 1939 Г.

Добровольный Фонд и подписка

А. Гордеюк 100.00, К.Д. Свободы 6.00, Н. Гвай 5.00, Б. Гершенфельд 5.00, П. Митроафнов 3.20, Ц. Гулько 2.00, П. Ковальчук 2.00, П. Руль 2.00, А. аМрчук 2.00, Н. Манцевич 2.00, Д. Пукало 2.00, С. Качула 1.00, К. Гордейко 1.20, А. Бечанко 1.20. Т. Степанова 1.29, П. Максаков 1.20, И. Калаур 1.25, С. Медынич 1.20, Ф. Черновец 1.20, Н. Давидов 1.20, Н. Бэнтон 1.00, А. Дехтерев 1.00, А. Чиж 1.00, Д. Мороз 1.25, П. Белинский 1.00, В. Радуга 1.30, К. Зеленюк 1.00, И. Колос 1.00, П. Полюбанский 1.00. ВСЕГО 151.40.

За «Пробуждение»

Детройт, Профсоюз — 20.40. Нью Порк, К. Д. Свободы — 8.00, Филадельфия, П. Полюбанский — 7.30, Виндзор. К. Талан — 2.75, Балтимор, А. Вышинский — 2.00. Гартфорд, Я. Педосюк — 1.50, Нью-Кестл, М. Осипук — 1.00, Юнгстон, С. Медынич — 1.00. ВСЕГО 43.95.

Подписной лист

Виндзор, тов. С. Саком	8.35
ИТОГО ПРИХОДУ	203.70

РАСХОД

Издание «Пробуждения»	100.00
Почтовые расходы	32.66
Перевод статей	8.00
Старый дефицит	65.43
ИТОГО	206.09
Дефицит	2.39

Убедительно просим всех, кто распространяет журнал, не задерживать денег на местах, а также прислать свою лепту в добровольный фонд «Пробуждения».

Комиссия.

Открыта подписка
НА ЖУРНАЛ
ПРОБУЖДЕНИЕ

Орган Федерации Русских Рабочих Культурно-Просветительных Организаций Соединенных Штатов и Канады.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

НА ГОД — 1 ДОЛЛАР 20 СЕНТОВ. НА ПОЛГОДА 75 СЕНТОВ

ПОДПИСКУ, ВСЕ ЗАКАЗЫ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ПРОСЯТ АДРЕСОВАТЬ:

"PROBUZHDENIE"

9219 Russell Street, Detroit, Michigan

ПРОСЬБА К ТОВАРИЩАМ.

Ничто так не оживляет и не связывает читателя с журналом, как различные сообщения с мест о том, что происходит на фабриках, в шахтах, рабочих организациях и т. д.

Редакционная Коллегия "Пробуждения" просит поэтому товарищей присылать нам краткие сообщения, заметки и корреспонденции об анархическом и рабочем движении.

Мы также просим, товарищи, вашего содействия по распространению журнала, подысканию новых подписчиков, и об оказании ему вашей моральной и материальной помощи.

Только при дружной товарищеской поддержке журнал сможет выходить регулярно, и выполнять возложенную на него миссию распространения безвластнических идей свободы и международного братства людей.

С товарищеским приветом

Редакционная Коллегия.